

Игорь Чичилин

СВРЕМЕННИКИ
И КЛАССИКИ

Обычная жизнь

Игорь Чичилин

Обычная жизнь

Серия «Современники и классики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42547818
Обычная жизнь. / Чичилин Игорь; Интернациональный Союз
писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-907042-39-1

Аннотация

Можно ли играть в «русскую рулетку» при помощи... сдобных булочек?

Что делать, если после хорошей вечеринки вы обнаружили собственного двойника, вернее сказать клона, созданного по последнему слову науки?

И как будет вести себя искусственно созданный разум, решая вечный вопрос «Существует ли всё, что существует», в смоделированной специально для него виртуальной реальности?

Прочитав произведения Игоря Чичилина, Вы найдете ответы на эти вопросы – но задумаетесь о других. Пьеса «История пекаря», повести «Клон» и «Обычная жизнь» увлекут занимательным сюжетом и напомнят о сложных философских проблемах.

Любители поэзии по достоинству оценят включенные в сборник стихотворения Игоря Чичилина, необычные по форме и глубокие по содержанию.

Содержание

Обычная жизнь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Игорь Чичилин

Обычная жизнь

Инженер-физик (закончил МИФИ), выпускник Высших литературных курсов, курсов литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького. Автор нескольких книг в жанре фантастики, вышедших в издательствах «ЭКСМО», «Терра», «Izdat-knigu». А также статей, стихов, рассказов, опубликованных в различных российских газетах, журналах, альманахах и сборниках. Член Союза писате-

лей России, Интернационального Союза писателей.

Обычная жизнь

(повесть)

Двое в белых халатах на лестничной площадке НИИ. Один идет вверх, другой – вниз. Встречаются.

Первый:

– Привет.

Второй:

– О! Привет. Давно не виделись.

– Да. В одном здании работаем, а встречаемся раз в полгода.

– А то и реже.

Пожимают друг другу руки.

– Ну, как дела?

– Ничего. А у тебя?

– Тоже нормально.

– Не женился еще?

– Нет. А зачем?

Смеются.

– А у меня жена ремонт затеяла. Тут на работе набегашься, приходишь домой – опять работать.

Первый, вздыхая:

– Н-да...

Достают сигареты, закуривают.

– Чем сейчас занимаетесь?

Первый:

– Новый проект недавно начали.

– Правда? Какой?

Первый небрежно:

– С компьютерами.

– Какие-нибудь автоматические системы?

– Нет. Сознание моделируем.

Второй:

– Сознание?

– Ну да. Ощущения, реакцию на окружающее – в общем, всё как у обычного человека.

Второй:

– На окружающее?

Первый, затягиваясь и выпуская дым:

– Внутри компьютера, конечно.

– То есть, вам и окружающую обстановку рисовать надо?

Первый:

– Ага.

Второй, улыбаясь:

– Похоже на игрушку.

– Нет. Он сам все делать будет. Мы ему личность создаем и помещаем в окружающий мир, а дальше он сам живет.

– И что должно получиться?

Первый, пожимая плечами:

– Просто обычная жизнь обычного человека.

– И зачем это?

Первый беспечно:

– Заказчик деньги платит, значит, ему надо.

Второй, улыбаясь:

– Понятно.

Первый:

– А у вас как? Помнится, вы всё флюксуаторами занимались. Второй, вздыхая:

– Да.

– И как они?

– Флюксуаторы? Флюксуируют – что им сделается?

Первый:

– Ну и отлично. Ладно, я побегу, а то там шеф ждет.

Второй:

– Да, мне тоже пора.

– Ну, пока.

– Пока.

Пожимают друг другу руки, расходятся.

* * *

Я стоял, щурясь в порывах холодного колючего ветра. Машины проезжали передо мной. День только начинался, заполняя город серым светом, снегом и ветром, прохожими зимнего утра.

Как же холодно сегодня! Я стоял, втянув голову в плечи

и держа руки в карманах. Тысячи ледяных снежинок летели в лицо, ветер продувал сквозь куртку, вызывая озноб в еще сонном теле. Я ждал. Наконец светофор изменил цвет, машины остановились, и я перешел улицу. Прохожие вокруг, тоже замерзшие, тоже спешащие – я шел среди них, я был одним из них на этой заснеженной улице в это морозное утро.

Скользкие островки льда на тротуаре. Я старался их обходить, я спешил. Утром всегда спешишь, выходя из дома в последнюю минуту, чтобы только не опоздать. Хотя, похоже, сегодня я опоздаю. Или еще можно успеть, если пойти быстрее? Я спешил.

Бледное солнце нехотя поднималось из-за серых домов. Я понимал его – мне тоже не хотелось выходить на улицу в такой мороз да еще так рано. Но что поделаешь – работа.

Снег хрустел под ногами, снег летел в лицо – невозможно было смотреть вперед, только под ноги. Я опускал голову, скрываясь от снега. Хотелось свернуться, стать незаметным и маленьким, чтобы помещаться между снежинками, между ветром. Пар вырывался изо рта, уши и кончик носа переходили в другое измерение. Я старался идти быстрее. Теперь уже не только из-за работы, но и чтобы быстрее добраться до спасительного тепла метро. И почему люди не летают как птицы? Впрочем, быть сейчас голой птицей в этом звенящем от мороза небе?.. Ну уж нет!

Поскользнулся на предательски засыпанном снегом льду, но все же смог удержаться на ногах. Оставалось уже недале-

ко. Но нужно было делать шаги короче, чтобы не поскользнуться опять. Я смотрел под ноги, я спешил.

Еще немного, и я спустился по ступенькам в метро. Наконец-то! Здесь дыхание еще становилось паром, но ветра уже не было. Прохожие, те, что навстречу, идут на улицу – ох, и достанется им сейчас! Я продолжал идти так же быстро, чтобы нагнать время. Вошел в стеклянные двери, достал проездной и, пройдя через турникет, оказался в тепле станции.

Электрический свет, гулкие звуки, народ вокруг. Утром всегда много народа. Я стоял на платформе в общей толпе. Скоро приехал поезд. Наполняя станцию грохотом, он выкатился из темноты тоннеля. Двери открылись, ставя точку в какофонии звуков. Двери открылись, но это было все равно – народ в вагоне стоял стеной. Народ в вагоне стоял стеной, но это было все равно – большая часть толпы с платформы все же зашла внутрь. Мне тоже удалось это. Я вдавился, втиснулся, вжался, став частью стены. Это было непросто, но ничего, я привык – каждое утро бывает так. Двери закрылись, подводя черту и отделяя нас от тех, кто остался, поезд поехал.

Вагон казался сплошным монолитом. То есть изначально он, конечно, был полый, но сейчас толпа внутри исправила это. По крайней мере, когда поезд тронулся, никого не качнуло – просто было некуда. Хотелось спать, даже несмотря на то, что я стоял. Тепло и вынужденное бездействие нагоняли сон. Ровный шум вокруг помогал в этом. Я стоял, ждал, когда все кончится. Поезд выехал на очередную станцию. Тол-

па зашевелилась, кто-то наступил мне на ногу, кто-то толкнул. Ничего, зато из-за движения стало немного свободнее.

Когда вышел из метро, ветер и снег снова набросились на меня. Но здесь уже было недалеко, ветер и снег не успели заморозить своими порывами до того, как я оказался за стеклянными дверями проходной. Показал пропуск и зашел внутрь. Время было почти такое, как нужно. Вернее, на пару минут я все-таки опоздал, но это не страшно. Поднялся по лестнице до своего этажа и пошел по коридору.

– Привет, – знакомые попадались по пути.

– Здравствуйте, – начальники тоже попадались.

И еще... О нет! Она шла мне навстречу. Я вдруг почувствовал, какой я всклокоченный, непричесанный, помятый сонным утром и поездкой в метро – то есть, совершенно неготовый показаться ей на глаза. Впрочем, я всегда был не готов встретить ее. Нет, только не здесь, на работе, в стенах официального учреждения.

– Привет, – я постарался сказать это самым обычным, будничным, бесцветным тоном, словно обращаясь к очередному знакомому, сослуживцу. Словно она не была так красива, и словно я не чувствовал, как нечто цепенеющее охватывает меня при виде ее.

– Привет, – примерно таким же тоном ответила она и прошла мимо.

Черт! Я чувствовал себя полным идиотом. Но просто не мог поступать иначе. Слишком многие обращали внимание

на нее. Слишком многие слащаво улыбались, говоря ей что-то натянуто веселое. Я иногда видел, как она смотрит на них, и не хотел получить такой же взгляд. Я не хотел быть одним из них. Да и вообще, глупо было все. Я даже не знал, как обращаться к ней. «Надя», – мне казалось как-то фамильярно и... слащаво. «Надежда» – слишком напыщенно и... глупо. Впрочем, кажется, мне еще ни разу не понадобилось называть ее по имени – почти все наше общение представляло собой вот эти приветствия, чему, признаться, я был даже рад. Ведь я совершенно не представлял, что делать с этим, и нужно ли делать что-то вообще. С одной стороны, почему я должен что-то делать? Кто заставляет меня, и зачем это? Ну и что, что она красива? Мне и без нее есть с кем провести вечер и ночь. Зачем она мне? Но с другой стороны... В общем, все было непонятно и странно. Я не знал, что делать, и просто скрывался под маской служебного безразличия. Но каким же идиотом я чувствовал себя при этом! И хуже того, абсолютно не понимая почему.

Пройдя по коридору, зашел в дверь своей комнаты. Галина Николаевна подняла на меня суровый взгляд.

– Опаздываешь, – укоряюще произнесла она.

– Всего на пару минут, – весело отозвался я, – разве это опоздание?

Она недовольно покачала головой и продолжила переписывать что-то из тетрадки на лист бумаги. Я снял куртку и повесил ее в шкаф, потом поздоровался за руку с Анатолием

Михайловичем, Сашей и сел за свой стол.

Анджелы не было. Я не без удовольствия отметил этот факт – выходит, не один я опоздал сегодня. Но не успел я порадоваться такому положению, как Анджела вошла в комнату не в шубе или пальто (или в чем она там ходила?) – то есть, явно не с улицы.

– А, все опаздываешь? – улыбнувшись, сказала она мне.

– Привет, – пробурчал я и погрузился в работу.

Куча бумаг, цифр – как же надоело это! Утром всегда тяжело заставить себя работать. Правда, потом привыкаешь, проникнувшись механичностью, монотонностью рабочего дня, и становясь таким же механическим и монотонным.

Примерно через час вышел курить. Миша, работавший в соседней комнате, стоял в коридоре с дымящейся сигаретой. Я остановился рядом с ним.

– Как дела?

– Ничего. У тебя как?

– А, – он махнул рукой, – между плохо и могилой.

– Что так?

– Вчера на день рождения к другу ходил – вот, сегодня мучаюсь.

– Угу, – посочувствовал я. – До вечера еще далеко.

– Какое там до вечера! Виктор Степанович в отъезде, так что можно было бы сейчас сбегать. Только денег нет, – он с надеждой посмотрел на меня. – Может, одолжишь, сколько

не жалко?

– Не жалко? – я вспоминал, сколько у меня с собой денег.

– Завтра отдам, – божился Миша. – Просто я сегодня не из дома приехал, а дома деньги есть.

– Да? – все же надо было помочь человеку. – Ладно, держи, – я вынул из кармана деньги и протянул Мише купюру.

– Вот спасибо, – обрадовался он. – А то как-то совсем плохо на свете жить. Ты заходи примерно через час – я тебе тоже оставлю.

– Нет, – улыбнулся я. – Работы много, да и вообще...

– Ну, как хочешь, – не стал навязываться Миша.

– Все куришь? – услышал я за спиной знакомый голос и, обернувшись, увидел Галину Николаевну, проходившую мимо по коридору.

– Курю, – не зная, что еще сказать, ответил я.

– Ты мне списки за прошлую неделю должен составить, – сурово произнесла она, – не забыл?

– Нет, сейчас сделаю.

– Вчера тоже говорил, что сейчас, – Галина Николаевна подошла к нашей комнате и открыла дверь. – Смотри, Виктор Степанович с меня будет спрашивать, – она повернулась и хотела зайти в комнату.

– Виктора Степановича сейчас нет на месте, – вслед ей сказал Миша, видимо, из благодарности желая помочь мне.

– Нет на месте? – Галина Николаевна обернулась. – А надолго он уехал? – дверь за ее спиной закрылась под собствен-

ной тяжестью.

– Я так понял, что до завтра, – ответил Миша. – Сегодня уже не появится.

– Вот как? – задумчиво произнесла Галина Николаевна. – Но все равно, – это уже ко мне, – чтобы сегодня списки были.

– Хорошо, хорошо, – пообещал я.

Галина Николаевна кивнула, удовлетворенная моим ответом, потом повернулась и прошла сквозь дверь.

* * *

Двое в белых халатах в комнате, заставленной различной электроникой, сидят перед экраном компьютера.

Один возбужденно:

– Ты видел?

Другой:

– Да.

– Нет, ты видел?! Она же сквозь дверь прошла!

– Ну прошла – ну и что?

– Как ну и что? Так ведь не бывает.

– Конечно, не бывает. Обычное дело – ошибка в программе. Сколько мы таких уже выловили – одной больше, одной меньше.

– Надо переделывать. Смотри, как они на нее уставились.

– Пусть смотрят. Сейчас сотрем память об этом событии, исправим программу и запустим с момента на пять минут

раньше – для него это то же самое, что ничего и не было.

Второй нажимает кнопки на клавиатуре компьютера, при этом изображение на экране замирает.

Первый:

– Который месяц уже бьемся с этими ошибками – сколько же можно?

Второй, продолжая нажимать клавиши и поглядывая на экран:

– Сколько надо, столько и можно. А ты думал, как такую большую программу отладить – просто что ли? Мы еще быстро все сделали, могло быть и хуже. С какого раза мы ее по-нормальному запустили?

Первый, пожимая плечами:

– Не знаю. По-моему, с сотого – не меньше, – улыбается. – А помнишь, как когда первый раз включили, снег сквозь него пролетал?

– Ага. И в метро, когда в вагон зашел, поезд без него уехал, а он над рельсами висеть остался. Ну и рожа у него была!

Смеются.

Первый:

– Ладно, хоть теперь все нормально работает.

Второй:

– Поплюй. Видишь, какие еще ляпы встречаются. Хорошо, мы рядом были и увидели.

– Ничего, потом бы увидели, когда память просматрива-

ли. Второй:

– Лучше сразу.

Первый:

– Ну, что там с дверью?

Второй:

– С дверью-то все нормально. Двери захлопываются – это обычное дело. А вот с теткой этой...

– Чего она сквозь дверь-то пошла?

Второй:

– Правильно пошла. Она ведь ее уже открыла и считала, что можно идти. А то, что дверь снова закрылась, ей никто не сказал. Лучше надо было второстепенных персонажей прописывать.

Первый, вздыхая:

– За всем не уследишь.

Второй, переставая нажимать клавиши и откидываясь на спинку стула:

– Ладно, не первая ошибка и, я думаю, не последняя. Ну что, давай запускать?

Первый удивленно:

– А что, уже все готово?

Второй, улыбаясь:

– Конечно.

Первый:

– Ну, тогда давай запускать.

– Вот спасибо, – обрадовался Миша. – А то как-то совсем плохо на свете жить. Ты заходи примерно через час – я тебе тоже оставлю.

– Нет, – улыбнулся я. – Работы много, да и вообще...

– Ну, как хочешь, – не стал навязываться Миша.

Потом вдруг Галина Николаевна появилась из-за спины и стала требовать списки за прошлую неделю. Пришлось обещать, что сейчас все будет готово.

– Чтобы сегодня списки были, – сказала она.

– Хорошо, хорошо, – заверил я ее.

Галина Николаевна кивнула, удовлетворенная моим ответом, потом повернулась, открыла дверь и зашла в комнату.

– Вот ведьма, – глядя ей вслед, проговорил Миша. – И как ты с ней работаешь?

– Мучаюсь, – ответил я. – А что делать?

Потом вернулся к себе, сидел за столом и составлял пресловутые списки. Анджела, стол которой находился за моей спиной, разговаривала по телефону явно не на служебные темы. Анатолий Михайлович встал и, подойдя, положил пачку распечатанных листов передо мной.

– Это нужно сделать до завтра, – сказал он, – максимум до послезавтра.

– Хорошо, – кивнул я, потом вздохнул и посмотрел в окно.

Машины проезжали по улице. Снег перестал падать – приятное наблюдение. Но судя по всему, мороз оставался – прохожие выглядели такими же замерзшими. На стройке через дорогу ничего не происходило. Видимо, в такую погоду строители решили отдохнуть. «И правильно сделали», – подумал я, глядя на недостроенный дом, в котором было пока только пять этажей, но явно должно быть больше. Дом имел довольно необычную, нестандартную форму, и мы заключали пари, сколько этажей в нем будет в конце концов. Я говорил, что пятнадцать, Саша – семнадцать, Анатолий Михайлович – десять. «Нет, все-таки не десять», – подумалось мне, судя по широкому основанию, обещавшему большую высоту. Ладно. Я опять вздохнул и принялся за списки.

До обеда еще пару раз выходил курить. Потом был обед – самое большое событие в монотонном течении рабочего дня, правда, тоже не слишком веселое, но хоть какое-то разнообразие.

По дороге в столовую снова увидел ее. Она шла впереди, я замедлил шаг – не хотелось вставать в очередь рядом с ней. Хотя, чего же мне еще хотелось? Но тогда придется разговаривать. Я совершенно не знал, о чем разговаривать с ней. А говорить что-то стандартно обыденное или слащавое и натянуто веселое – лучше уж вообще не говорить. Я замедлил шаг, увеличивая расстояние между нами. Но тут Саша нагнал меня.

– Чего так плетешься? – сказал он. – Там же очередь. Да-

вай быстрее.

– Давай, – я чуть пожал плечами и прибавил шаг – вместе с Сашей это было уже не так опасно.

В столовой тепло, не смотря на холод снаружи. В столовой шумно, не смотря на то, что все говорят вполголоса. Звон железных ложек и вилок, еще какие-то звуки.

Мы попали в очередь как раз рядом с ней.

– Привет, – слащаво улыбнулся Саша.

– Привет, – Надя улыбалась в ответ.

Я лишь кивнул, обозначая, что мы уже виделись.

– Ну и холод сегодня! – сказал Саша, обращаясь как бы к нам обоим. – В такой мороз на работу ходить – просто издевательство. Почему у нас не как в школе – если мороз, значит, не учимся? Надо начальству предложить – чем мы хуже школьников?

Надя вежливо улыбнулась на его шутку. Мне нравилась эта ее вежливость – в том смысле, что, пожалуй, на самом деле ей не было так смешно, и она улыбалась просто из вежливости. Впрочем, возможно, я видел то, чего нет, принимая желаемое за действительное.

Мы втроем заняли небольшой столик. Саша умудрялся есть и не переставая болтать. Я почти все время молчал и к концу обеда мне, признаться, порядком надоел его сильно искрометный юмор. Вежливость Нади не имела предела.

Потом мы шли обратно по коридорам и лестницам. Я плелся где-то сбоку, сзади. Никаких иллюзий, никаких на-

дежд. С другой стороны, я был сыт и расслаблен после обеда – мне было все равно.

Надя ушла в свою комнату, мы с Сашей стояли в коридоре перед нашей дверью, курили.

– Интересная девчонка, – сказал Саша.

– Да, – вяло отозвался я.

– Надо будет позвать ее куда-нибудь. Ты как считаешь?

Хм... Как я считаю? Ну что, сказать ему, как я считаю?

– Знаешь, сколько таких зазывальщиков? – осторожно проговорил я.

– Это точно, – покачал головой Саша. – Вот у нас в институте со мной в группе училась одна, так у нее...

И он начал рассказывать какую-то длинную и неинтересную историю про свою однокурсницу. Мне приходилось слушать. Я кивал и потом был даже рад, когда мы выбросили докуренные сигареты и отправились снова окунаться в работу.

Когда рабочий день кончился, я поехал домой. Снег больше не шел, и было приятно выйти на улицу после целого дня в душном помещении. Уже стемнело, фонари горели вокруг, и небо оказалось неожиданно чистое, свободное от туч, и звезды были в нем. Я чуть задержался, выйдя из проходной, с удовольствием вдохнув свежий морозный воздух и глядя на вечерние метаморфозы пространства. А потом зашагал к метро. На ходу все это окружающее великолепие воспринималось не так ярко.

В метро снова толпа, теперь уже неспешащих... или тоже

спешащих, но как-то по-другому, людей. Все-таки вечером прохожие не такие как утром, хотя, выглядят и делают всё совершенно так же. Но возможно, просто я сам по-разному смотрю на мир утром и вечером. Скорее всего, это я разный, а не они. Забавно, разный всего один я, а получается, что весь мир. Забавно...

Выйдя из метро, курил по дороге к дому. Не спешил никуда – сегодня не хотелось спешить. А бывает, что вечером бежишь домой еще быстрее, чем утром на работу – не зачем, а просто хочется скорее оказаться дома, подальше от всего, от всех.

Дома ужин, телевизор, потом еще телевизор. Уже почти в полночь почитал немного и лег спать.

Сны, сны... Какие славные сны!

* * *

Двое в белых халатах в комнате, заставленной электронной аппаратурой, смотрят на экран компьютера.

Первый:

– Зачем ему сны-то было делать? И так его одного поселили, чтобы хоть дома проще окружающую обстановку моделировать без других людей, которых и на работе хватает. Но сны-то зачем делать?

Второй, глядя на сны, появляющиеся на экране:

– А никто их и не делал. Он их сам видит.

Утром все то же – нужно вставать, спешить, толкаться в метро. Неужели вот так всю жизнь? Ох, наверное, всю...

В этот раз удалось не опоздать. Перед обедом ходили с Анджелой на склад. Ей там нужно было получить что-то тяжелое, и она взяла меня в качестве грузчика. Впрочем, я был рад встать из-за стола и прогуляться немного. Зато Анатолий Михайлович был недоволен – его пачка бумаг, которую он дал мне вчера, осталась несделанной.

После обеда случилось происшествие. В соседней комнате сгорел электрический чайник. То ли воды в нем было мало, то ли еще что-то – в общем, чайник взорвался, и народ со всего этажа прибежал смотреть, что же там произошло. Я воспользовался случаем и вышел в коридор. У двери той комнаты собралась толпа. Я остановился в стороне, курил. Потом из толпы вынырнул Саша, подошел ко мне и, тоже закурив, стал делиться впечатлениями:

– Ничего интересного, – сообщил он, – просто черный чайник и мокрая стена.

– И что, даже ни одной оторванной конечности?

– Не-а.

Вечером, придя домой, позвонил Свете. На следующий день был выходной – я думал, куда себя деть.

– Аллю, – ответила Света в трубке телефона.

– Привет, – сказал я.

– А, привет. Как раз собиралась тебе звонить.

– Серьезно?

– Ты завтра что делаешь?

– Не знаю. Вот решил спросить у тебя.

– Пошли в лес.

– Куда?

– В лес на лыжах кататься.

– Хм. У меня и лыж-то нет.

– Лыжи есть. Ты Дашу с Олегом помнишь?

– Да, – ответил я, вспоминая, как однажды мы ходили на день рождения к подруге Светы Даше, у которой был муж Олег.

– Они ведь у самой кольцевой живут, у них там лес рядом. Завтра они хотят на лыжах пойти, меня звали и говорят, чтобы я тебя с собой брала.

– Интересно, – протянул я.

– У них там есть лишние лыжи – в общем, пешком тебе идти не придется.

– Угу.

– Ну, ты как, пойдешь?

– Ммм... Так-так. Дай подумать, – в шутливой нерешительности протянул я. – А еще что ты можешь предложить? Это ведь только первый вариант – какой второй?

– Второй? – вздохнула Света. – Второй тебе не понравится. Ты же не захочешь лететь на Канары.

– На Канары? – заинтересовался я.

– Ага. В субботу утром туда, в воскресенье вечером обратно – скучища. – Она говорила серьезно, но было ясно, что это шутка, чтобы подразнить меня.

– Да? А шампанское в самолете дают? – решил я поддерживать шутку.

– Дают, – нехотя ответила Света.

– А лимузин там, яхта готовы?

– Да готовы, – с презрением произнесла Света.

– А девочки будут?

– Тебе каких – мулаток, креолок?

– Ммм... пожалуй, креолок.

– Гроздьями как бананы.

– Угу, – я еще подумал для вида, а потом решительно высказал: – Нет, ну их, эти Канары – снега родины мне милее.

– Вот и отлично, – отозвалась Света. – Значит, завтра в десять приезжай ко мне.

– Хорошо. Но только... – я замаялся.

– Что?

– Я ведь просплю.

– Могу позвонить тебе утром.

– Нет, я не услышу. Меня можно только растолкать.

– Напекаешь, что нужно звонить твоему соседу?

– Нет, что нужно занять позицию заблаговременно.

– Насколько рано?

– Прямо сейчас, – сказал я и потом добавил серьезно: –

Правда, приезжай. Завтра как раз вместе и поедем.

– Нет, мне еще собираться надо, и вообще...

– Света, – я улыбнулся, – собираться – это пять минут.

Сегодня на редкость тоскливый вечер, мне здесь грустно одному, и вообще...

Она помолчала немного, потом сказала:

– Я могу приехать, но у тебя ничего не получится.

– Это почему?

– Не скажу.

– Н-да? – я был озадачен, но так, не слишком. – Все равно приезжай, – сказал я. – В тоскливый вечер лунный свет вплетается в волосы любимой женщины и играет ими легко и радостно, а драконы лишь улыбаются, глядя на это.

– Псих, – сказала Света. – Ладно, сейчас приеду. Но завтра ты у меня встанешь...

– Непременно, – перебил я ее.

Она лишь повесила трубку в ответ.

Через час Света приехала ко мне. Она жила совсем недалеко, но, видно, действительно «собиралась» все это время. Она была добрая, понимающая и отзывчивая девушка. Иногда я думал, что мне больше и не нужен никто. Но иногда, глядя на других женщин, я невольно сравнивал ее с ними, и тогда не получалось считать ее самой лучшей на свете. Но она была хорошая, очень хорошая, мне было хорошо с ней.

Сняв шапку, Света чуть качнула головой, ее длинные волосы разлетелись по плечам.

– Ну, – деловито произнесла она, – где тут лунный свет?

– А где дракон, тебе неинтересно?

Она смерила меня взглядом.

– Пожалуй, – серьезно сказала она. – И где же он?

Я улыбался, вешая ее шапку и пальто на вешалку.

Когда-то год с лишним назад в метро меня прижало толпой к девушке. Совершенно вплотную. Я пытался хоть как-то повернуться, отодвинуться, но это было невозможно. В довершении ко всему народ стал пробираться к выходу, меня толкнули, и я чуть не упал прямо на девушку.

– Извините, – пробормотал я, все так же прижатый к ней и чувствуя, что еще и наступил ей на ногу.

– Ерунда, – ответила девушка. – Но лучше убери свой нос из моего бюстгальтера.

Она была почти с меня ростом.

– Я не могу убрать нос из вашего бюстгальтера, – проговорил я, – он гораздо ниже.

– Тогда из трусов, – сказала девушка.

Я улыбался, она оставалась совершенно невозмутимой.

– Так что мне делать? – спросил я, чувствуя ее всем телом – на улице было жаркое лето, и все носили лишь легкую одежду.

– Теперь уж ничего, – ответила она, – стой уже. После такой поездки ты обязан жениться на мне.

– Да? – я улыбался все шире. – Но позвольте хотя бы узнать имя моей суженой.

– Ну вот еще! – фыркнула девушка, но потом все же улыбнулась.

В общем, мы разговорились. Ее звали Света, и она жила возле соседней от меня станции метро. Войдя в вагон раньше в то роковое утро, она и была прижата мной на следующей остановке, вернее, толпой через меня. Мы стали созваниваться и проводить время вместе, но потом я еще пару раз случайно встречал ее в метро. А в то утро я опоздал на работу почти на час, Галина Николаевна просто рассвирепела.

Сняв верхнюю одежду, Света прошла в комнату и устало опустилась на диван.

– Ну, что ты можешь предложить бедной девушке, обманом завлеченной в логово одинокого мужчины?

– Даже не знаю, – смиренно произнес я. – Может быть, чашечку кофе?

– Давай кофе, – вздохнула она.

Потом мы сидели, обнявшись, смотрели телевизор, пили кофе.

– Значит, лунный свет? – ни с того ни с сего вдруг сказала Света. Я улыбнулся.

– Понравилось?

– Ты иногда говоришь странные вещи.

– Я люблю, когда ты их слушаешь. И ты любишь их слушать – ведь так?

Она ничего не ответила, только повернулась и опустила голову мне на грудь. Я гладил ее волосы, потом поцеловал ее.

– Ты разве не понял, что сегодня?.. – она не договорила, глядя на меня глазами из дымки и меда, и звезды, и прозрачная глубина озер были в них, и роса, над которой парит туман.

– Все равно, – сказал я. – Какая разница?

Она крепче прижалась ко мне и тихо сидела так, молчала. Я не мешал ей.

Потом мы легли спать. Непросто было спать, отвернувшись от Светы. Я лишь поцеловал ее перед сном.

* * *

Трое в белых халатах перед экраном компьютера.

Первый:

– Зачем же так мужика мучить?

Второй, зевая:

– Сам виноват – нечего было ее звать. Кто его за язык тянул? Первый:

– Можно было бы переписать этот момент.

Третий:

– Это все равно. Если еще раз разговор запустить, он ее все равно позовет.

– Необязательно.

– Обязательно. В той же ситуации у него будет то же настроение и те же желания. И в соответствии со своей логикой он поступит точно так же.

Первый:

– А может, и нет. Мало ли что ему в голову взбредет.

Третий:

– Ну откуда оно взбредет? Просто так ничего не взбредает.

Первый:

– Взбрело же ему позвать ее. В начале разговора он ведь этого не хотел.

– Правильно. А пока говорил – захотел. И во второй раз будет точно так же.

Первый, улыбаясь:

– Ну, раз захотел, значит, все-таки – взбрело?

Третий, хмурясь:

– Это желание, которое возникло вследствие реакции на окружающее, а не то, что с неба свалилось.

Первый, продолжая улыбаться:

– Хочешь сказать, что знаешь, откуда сваливаются желания?

Третий:

– Конечно. Всякое желание можно просчитать, если учесть все ассоциации, возникающие в связи с происходящим.

Первый насмешливо:

– А ассоциации откуда взять?

– Из памяти, конечно, – откуда еще?

Первый:

– Все равно во второй раз он ее может не позвать. Логику я ему писал, и знаю, как она работает. А в этом решении не было никакой логики, поэтому оно случайно.

Третий, улыбаясь:

– Вот-вот. В соответствии с твоей логикой он так же и поступит – логика ведь у него одна и в одинаковых ситуациях работает одинаково.

– Но ей ведь нужно работать с чем-то.

– Да. И в данном случае она работает на основании эмоций, как, впрочем, и всегда. Ты, наверно, просто программу плохо знаешь. Посмотри на досуге, как я ему эмоции сделал. Кстати, по-моему, неплохо вышло, – третий довольно улыбается. – Вполне он у нас эмоциональный получился, и даже более того – взять хотя бы эти его фразы.

Первый хмуро:

– Правильно она его психом назвала – яблочко от яблоньки...

Третий:

– Сам ты псих.

Потом оба улыбаются.

Второй, который все это время молчал, глядя в экран, где появляются сны:

– Так вот одну программу вдесятером делать. Поэтому у нас и ошибок полно – просто не стыкуются некоторые части, написанные разными людьми.

Третий:

– Ошибок всегда полно, хоть один делай, хоть в коллективе. А такую программу одному и не сделать. И потом, нас ведь не десять человек ее писало, а...

Первый, перебивая его:

– А, по-моему, гораздо больше. Еще и из других лабораторий людей приглашали обстановку, там, звуки делать.

Третий обескураженно:

– Неважно. Все равно. Вполне нормальный человек получился. Достаточно цельная личность, с окружающим в ладах – что еще нужно?

Первый:

– Вот давай и проверим, насколько цельная личность – запустим этот разговор еще раз и посмотрим, позовет он ее или нет.

Третий недовольно:

– Дался же тебе этот разговор.

Первый задумчиво:

– А если ему в этот момент принудительно задать, что говорить, что делать.

Третий удивленно:

– Зачем же? Весь смысл ведь в том и есть, чтобы он сам все делал. Мы ему личность создали, в окружающую обстановку поместили – теперь он сам и живет. А если ему говорить, что делать, зачем тогда вообще сознание писать? Кстати, и в программе такой возможности не заложено, чтобы действия ему навязывать – он их всегда сам совершает, мы его только

помещаем в нужные нам ситуации.

Первый:

– Вот и давай его опять в этот разговор поместим.

Третий, качая головой:

– Ну давай, давай, если так хочешь. Я чувствую, ты иначе не отстанешь.

Второй, не отрываясь от экрана:

– Да ладно вам. Лучше посмотрите, что тут творится.

Первый и третий смотрят в экран.

Первый:

– Во дает!

Третий:

– Ну и гадость!

Второй:

– Наяву не получилось, так ему сны эти начали сниться.

Смотри, что делает.

Третий:

– Да убери ты эту порнуху.

Первый, вздыхая:

– Да... Довели человека.

Второй:

– Ничего, ему полезно помучиться – хорошо для развития. Первый:

– Ты все со своим развитием? Что-то незаметно у него никакого развития.

Второй обижено:

– Как это незаметно? Шутить больше стал и вообще...

Третий:

– Ты, кажется, ему ускоренное развитие сделал?

Второй:

– Ну, ускоренное – неускоренное, но он меняется, набираясь опыта. Это же важно, заставить его развиваться – иначе как достичь цели проекта? Да и просто интересно посмотреть, что будет.

Первый, усмехаясь и кивая на сны на экране:

– Пока мы вот что видим.

Второй, пожимая плечами:

– Это еще только начало – не все ведь сразу. Пока изменения не слишком заметны. А кстати, сны это и есть результат развития. Так что он меняется. Остается только смотреть, куда это его приведет.

Третий, вздыхая:

– Посмотрим, посмотрим.

* * *

Утром проснулся рано как на работу. Так часто бывает в выходные. И тогда приятно знать, что не нужно никуда идти, просто повернуться на другой бок и снова уснуть.

Света еще спала, обнимая меня во сне. Ее тело под одеялом было теплым, почти горячим и таким... таким... Черт! Как же приятно было чувствовать ее тепло. Я чуть пошеве-

лился.

– Даже не думай, – не открывая глаз, сказала Света.

– Думать можно.

– Нет. Думать тоже нельзя.

Она повернулась и легла на спину, перестав обнимать меня. Ее глаза оставались закрыты. Я склонился над ней, приблизив свои губы к ее губам, и остановившись, наверно, в миллиметре от них. Ее дыхание на моей щеке. Света открыла глаза.

– Еще шаг, – сказала она, – и я спущу своих боевых крокодилов и лягающихся лам.

Я улыбнулся и коснулся ее губами, чуть-чуть, так, чтобы только коснуться. Она лежала тихо. Ее дыхание стало чаще. Я опустил веки, потом улыбнулся и откинулся на спину, лежал, не открывая глаз. Потом почувствовал, как Света склонилась надо мной и поцеловала меня.

– Если б ты знала, что мне снилось, – проговорил я.

– В следующий раз расскажешь, – она положила голову мне на плечо, – не сегодня.

Потом мы встали, завтракали на кухне. Времени оставалось еще много – мы не спешили.

Вышли из дома примерно через час. Перед выходом Света позвонила Даше и Олегу. Они ждали нас. На улице было морозно, но не слишком холодно, и самое главное, ни ветра, ни снега – день обещал быть ясным.

Мы спустились в метро.

– А ты со своими веселыми днями сможешь на лыжах кататься? – спросил я Свету.

– А, ерунда, – беспечно махнула она рукой.

– Долго еще?

– Нет – завтра или послезавтра.

– Я хотел спросить, долго ли еще ехать?

– Так ты об этом, – улыбнулась Света. – Нет, ехать тоже недолго. А ты не помнишь?

– Не очень, – признался я. – На какой они станции?

Когда мы позвонили в дверь, нам открыла Даша.

– Заходите, – сказала она.

Мы зашли. Олег появился на пороге комнаты, я поздоровался с ним, пожав его руку.

– Мы сейчас, – улыбнулась Света и увела Дашу на кухню.

Они стали там разговаривать о чем-то.

– Вот, посмотри, – Олег достал лыжные ботинки и протянул мне. – Подойдут?

Я надел их.

– Да, вполне, – топнув по полу, сказал я.

В это время Даша и Света вышли к нам.

– Смотри-ка, он уже готов, – весело кивнула на меня Света.

– Всегда готов! – ответил я. – Когда выходим? – я посмотрел на Дашу и Олега.

– Не так все просто, – хитро прищурилась Света и скрылась в ванной, чтобы переодеться.

В общем, мы прособирались еще час. Точнее, собирались в основном девушки, а мы с Олегом терпеливо сидели на кухне, курили, пили кофе и говорили на какие-то общие темы.

Наконец мы вышли из дома с лыжами на плечах и рюкзаками за спиной. Последнее, конечно, относилось к нам с Олегом. Выйдя из подъезда, Олег с удовольствием вдохнул морозный воздух.

– То, что надо, – повел он плечами, глядя на чистое небо. – Повезло нам с погодой.

– А вчера ветер и снег обещали, – сказала Света.

– Смерчи и ураганы, – подсказал я.

– Да и бури.

– Песчаные, – добавила Даша.

Мы смеялись.

До леса оказалось совсем недалеко. Собственно, это было видно еще в окно из дома.

Лес, зимний лес. Я вспоминал, когда последний раз был в зимнем лесу. Получалось, что очень давно. И вообще, я всего несколько раз бывал в лесу зимой.

Протоптаные тропинки, накатанные лыжни – лес был довольно обжитой... или обхоженный. Судя по всему, многие приходили сюда гулять и кататься на лыжах. Некоторые из этих многих попадались нам на пути время от времени.

Мы шли на лыжах. Я наслаждался свежим воздухом, солнцем и снегом, легким морозом, который лишь освежал.

Мы с Олегом взяли быстрый темп. Сначала все двигались вместе друг за другом. Но сложно было удержаться, мы с Олегом вырвались вперед, и скоро девушки остались далеко позади.

Шуршание снега под лыжами. Пар изо рта. Тело работает в полную силу – нечасто бывает так, как славно, когда так! Морозный день, звенящее небо, шуршащий снег...

Олег впереди замедлил шаг и остановился. Мне пришлось тоже остановиться – мы шли по одной лыжне.

– Подожди, – сказал он, – пусть они нас догонят, а то совсем отстали.

Дыхание было частым.

– Может, пройдем еще немного? – предложил я. – Там впереди, по-моему, поляна.

– Нет, – он покачал головой. – Как бы обратно не пришлось возвращаться – лес все-таки, мало ли что.

– Да?

Я обернулся, думая, что, пожалуй, он прав. Но тут увидел, как девушки появились из-за поворота. Далеко. Они не спешили. Я посмотрел на Олега, он тоже заметил их.

Было жарко после быстрого бега, я снял шапку и сунул ее в карман. Тишина. Я вдруг услышал, как тихо вокруг. Абсолютно никаких звуков. Мягкая тишина, закутанная в вату снега.

– Надо же, как тихо, – почти шепотом проговорил я и почувствовал, какое это варварство с моей стороны – нарушать

такую тишину.

Олег только улыбнулся, ничего не сказав и глядя мне за спину на девушек. Я решил, что одного его взгляда достаточно для них, и стал смотреть на лес вокруг.

Черные деревья, черные ветви деревьев. На них снег. На некоторых много, неестественно много. Никто не трогает их здесь, они живут своей жизнью – это странно. Я был городской житель, и мне были непривычны некоторые простые вещи. Деревья неподвижны, снег неподвижен – кажется, что это обман – иначе как снег попадает на деревья? Хотя это все так, просто забава – если сделать взгляд скучным, то ничего особенного нет в этом зимнем лесе. Но я не стал проверять это.

Скоро тишина была нарушена неспешной беседой. Я обернулся. Девушки подходили к нам, переговариваясь на ходу. Света шла впереди.

– Еще чуть медленнее, – сказал я ей, – и ты поедешь назад.

– Еще одно слово, – в тон мне ответила она, – и ты полетишь в сугроб.

Мы улыбались.

Дальше опять шли медленно все вместе. Общий восторг вызвало появление белки на одном из деревьев. Света тут же достала из кармана конфету и кинулась давать ее белке. Но почти сразу застряла на лыжах в небольших кустах. Попробовала выбраться, но не удержалась на ногах и села в сугроб. Мы, смеясь, вытаскивали ее оттуда. Белка, наверно, смотре-

ла на нас издалека, а может, и нет – убежала по своим делам.

– Где будем останавливаться? – спросила Даша Олега.

– Я думал дойти до того места, где летом сидели, – ответил он.

– Нет, туда далеко. Давай где-нибудь поближе.

– Поближе? Тогда можно к ручью – здесь совсем рядом.

– Давай.

– Там тоже неплохое место, – пояснил мне Олег. – Можем спокойно посидеть.

Я ухватил лыжные палки и последовал за ним.

Через некоторое время он показал вперед, где деревья расступались, образуя поляну.

– Почти пришли, – сказал он. – Там по краю поляны течет ручей.

Я кивнул.

Метров за сто до поляны лыжня раздваивалась. Олег двинулся по правой, я по левой догнал его и поравнялся с ним.

– А что, – сказал я, – слабо гонки устроить?

Он усмехнулся, посмотрев на меня.

– Кто последний, тот проиграл, – срываясь с места, сказал он.

Я тоже ринулся вперед. Мы помчались рядом. Девушки сзади кричали, болея за нас.

В какой-то момент я вдруг увидел, что две лыжни, по которым мы ехали, впереди снова сходятся в одну. Я решил, что должен быть в том месте первым. Похоже, Олег пришел

к такому же выводу для себя. Кончилось тем, что мы въехали в одну лыжню почти одновременно. Вернее, мы одновременно не въехали в нее – просто столкнулись и разлетелись в разные стороны, каждый в свой сугроб. Мы смеялись, лежа в снегу. Усталость от быстрого бега – не хотелось вставать. Девушки не спеша догнали нас.

– Гонзики несчастные, – шествуя мимо, свысока произнесла Света.

– Вставайте, а то простудитесь, – сказала Даша.

Олег протянул мне лыжную палку, я взялся за нее, и мы встали, вытянув друг друга из сугроба. Потом долго препирались, кому идти первым. В конце концов пошли рядом – справа и слева лыжни.

На поляне, сняв лыжи, стали вынимать из рюкзаков всякие съестные припасы и разводить костер. Я направился к деревьям наломать веток. По краю поляны действительно тек ручей. Снег нависал над ним с берегов, но в середине вода бежала, не скованная льдом. Холодно. Как-то стало холодно от вида этого ручья, зимней воды в нем. Я почти чувствовал, какая она ледяная, лишь глядя на нее.

Даша подошла к берегу и набрала воды в котелок.

– Зачем из ручья? – улыбнулся я. – Можно просто снег взять.

– Так проще, – улыбнулась она в ответ.

– Вы здесь часто бываете?

– Не очень.

– Наверно, хорошо рядом с лесом жить.

– Да, мне нравится.

Я стоял, глядя на воду. Мне больше не было холодно. Тихое журчание успокаивало.

– Давно не был в зимнем лесу, – проговорил я. – Зимой не так как летом.

– Просто тише – листья не шелестят.

Я смотрел на деревья на том берегу. Они казались живыми, хотя и стояли неподвижно.

– Тут случайно лешие не водятся? – спросил я.

– Водятся, – улыбнулась Даша. – И водяные.

– Вот как?

– Шучу, – сказала она. – Зимой лешие перебираются на квартиры в город – тут ведь совсем рядом, – и пошла с котелком к костру.

– А водяные – в аквариумы, – вслед ей сказал я.

Она, обернувшись, улыбалась.

Потом мы сидели у костра. Налили водку в пластмассовые стаканчики. Я поднял свой.

– Отличные выходные получились, – произнес я. – Давно так не отдыхал.

– Вот и приезжайте теперь, – отозвалась Даша. – Вместе будем на лыжах ходить.

– Обязательно, – улыбался я.

* * *

Двое перед экраном компьютера.

Один, глядя в экран:

– Черт! Я тоже так хочу – лес, свежий воздух, костер.

Другой:

– Ну и кто тебе мешает? Возьми и тоже сходи.

– Да, сходишь тут. Работа одна все время. И вообще, ни лыж, ни леса под боком.

Второй, кивая на экран:

– Тогда сиди и наслаждайся видами.

***

Когда мы вернулись домой, уже стемнело. Стали ужинать. Даша с Олегом сказали, что нам не нужно уходить.

– Оставайтесь, – предложили они. – Завтра все равно воскресенье – на работу не идти.

– Хорошо, – сказали мы со Светой и остались.

После ужина играли в карты. Ночь и снег за окном, в доме было уютно. Приятная усталость после лыжной прогулки, мягкое тепло после целого дня на морозном свежем воздухе. Мы попивали вино из бокалов.

– Ну давай, ходи, – ерзая на стуле, нетерпеливо высказала мне Света.

– Сейчас, – я положил карту на стол, чувствуя, что опять проиграю. Почему-то я все время проигрывал, карта не шла.

Так и есть. Олег довольно усмеялся, выигрывая в очередной раз.

– Хм, – беспечно произнесла Света, откинувшись на спинку стула. – Не везет сегодня, – она тоже в основном проигрывала. – Наверно, звезды где-нибудь не там.

– Или протуберанцы на солнце не те, – кивнул я.

– Какие протуберанцы ночью? – махнула рукой Света. – Это просто магнитные бури разбушевались.

– Какие магнитные бури зимой? – в тон ей произнес я. – Это просто Луна не в той фазе.

– Просто вы играть не умеете, – тасуя карты, назидательно высказал Олег.

– Сам ты не умеешь, – скривила губки Света. – Повезло пару раз – вот и все.

– Ничего не повезло, – улыбался Олег. – Это мастерство.

– Да уж, – фыркнула Света. – Великий магистр.

– Просто он знает маленький секрет, – с шутливой серьезностью вставила Даша.

– Какой еще секрет?

– Хм, – усмеялся Олег. – У лабиринта выход там же, где и вход.

– Да-да, – кивнула Света. – А голова там, где ноги. И все вокруг это только сон.

– Ну, сон не сон, – полусерьезно-полушутя произнес Олег, – но окружающее нельзя воспринимать как то, что есть на самом деле.

– Ага, – так же полусерьезно отозвался я. – Жизнь – это только иллюзия.

– Не совсем так, – чуть пожал плечами Олег. – Ты, например, знаешь, что у собак черно-белое зрение?

– Слышал, – кивнул я.

– Вот. Если спросить у собаки, какого цвета трава, она ответит, что трава какого-нибудь темно или светло-серого цвета. Ты точно знаешь, что трава зеленая. И дело тут не в том, что ее зрение хуже, а просто по аналогии вполне может найтись кто-то, кто обладает другим, лучше чем у тебя, зрением, и он скажет, что трава какого-нибудь еще цвета. При этом каждый будет абсолютно прав, потому что полагается на свои ощущения. И собака, которая видит, что трава серая, абсолютно уверена в своей правоте, так же как ты уверен, что трава зеленая, а этот предполагаемый кто-то смеется над вами, он точно видит, что трава совсем другая. Но ведь трава одна, она не меняется в зависимости от того, кто смотрит на нее. Так какого же она цвета на самом деле? А этого не знает никто. Потому что каждый видит ее такой, какой видит он. То есть цвет травы определяется не самой травой, а свойствами зрения того, кто смотрит. То есть зрение лишь показывает окружающее, как оно может. Но нельзя быть уверенным, что ты видишь именно то, что есть – это только возможности твоего восприятия. И если нельзя полагаться на зрение, которое такое же чувство, как и остальные, то нельзя полагаться и на другие чувства. Хотя, в случае со

слухом или, скажем, с осязанием привести пример сложнее. Но они тоже не дают полной уверенности, что ты слышишь или осязаешь именно то, что есть на самом деле.

– Понятно, – я положил руку на стол. – Будем считать, что этого стола нет.

– Может и так, – совершенно серьезно ответил Олег. – Это ведь только твои ощущения.

– Ну да. Которые можно смоделировать. А на самом деле я какая-нибудь коробка с проводами, – я улыбнулся. – Нет, не хочу быть коробкой. Я есть, и все окружающее тоже. Я могу видеть это, слышать, потрогать, понюхать и всё, что хочешь...

* * *

Первый:

– Ха-ха. Второй:

– Да-да.

* * *

Олег покачал головой.

– Твое мнение – это твое личное дело, – негромко проговорил он.

– Ну ладно, хватит вам философствовать, – капризно про-

изнесла Света, которая все это время тихо сидела и внимательно слушала. – Давай, раздавай.

– А? – рассеянно отозвался Олег и удивленно посмотрел на колоду карт в своей руке. – Да, сейчас, – и начал раздавать.

Спать мы легли уже под утро. Нам со Светой постелили матрас на полу и дали теплое одеяло. Еще одна ночь вместе со Светой отдельно от нее.

Утром, когда мы уходили, Даша подошла ко мне с парой книг в руках.

– Вот, возьми, – сказала она, – это к вашему вчерашнему разговору.

Я посмотрел – что-то про философию, восточные религии.

– Да? – без особого интереса произнес я. – Ну, не знаю...

– Бери, бери, – улыбнулась Даша. – Почитаешь на досуге.

– Ага, может, поумнеешь, – крашивая губы, глядя в зеркало, вставила Света.

– Ладно, – пожал я плечами, – спасибо, – и сунул книжки в сумку.

– Ну всё, – закрывая помаду, сказала Света, – мы пошли. Звоните, если что.

– Приезжайте на следующие выходные.

– Посмотрим, – похоже, мысленно находясь уже на улице, бросила ветреная Света. – Ну, пошли, – она открыла дверь и, взяв меня за руку, потянула за собой.

– Пока, – обернулся я на ходу.

– Пока, – улыбались Даша с Олегом.

В метро Света спала, сидя рядом и положив голову мне на плечо. Потом на нашей ветке мы стояли у двери вагона. Когда поезд подъезжал к моей станции, я стал прощаться со Светой:

– Ну все, тебе на следующей, а мне сейчас.

– Угу, – она смотрела на меня ясным невинным взором.

– Хорошие выходные получились.

– Угу, – с той же невинностью и наивностью в глазах.

Поезд остановился, и двери открылись.

– Ладно, пока, – сказал я.

– Пока, – кивнула Света.

Я вышел из поезда. Она вышла за мной.

Я остановился, удивленно глядя на нее.

– А вы, девушка, куда? – непонимающе спросил я.

– А мы с вами, – с детской наивностью и непосредственностью ответила она.

– Н-да? И кто же вас звал?

– А кто-то обещал рассказать, что ему снилось, – младенческая простота.

– Правда?

– Правда, – исполненный небесной чистоты взгляд.

Я озадаченно нахмурился.

– Ну что ж, если обещал... Тогда пошли, – и улыбнулся.

Она тоже улыбалась. Я обнял ее, и мы отправились ко мне домой.

Света провела у меня остаток воскресенья и утро понедельника. Ночь... ночью мы больше не были отдельно, как, впрочем, и вечером тоже.

Утром мы разъехались в разные стороны. Света сказала, что в этот понедельник у нее выходной, и поехала домой, а я – на работу.

Толпа в метро, работа – снова все то же. Пока ехал, был один – давно уже не был один, но на работе это опять изменилось.

Расставить бы все по местам – спокойно посмотреть, подумать и исправить то, что не так. Но когда, когда сделать это? Приходится жить, как есть. Но когда-нибудь, когда-нибудь... Ох, когда же?

На работе пришлось спешно доделывать бумаги для Анатолия Михайловича, Галина Николаевна требовала свое. Пару часов пробежал по разным кабинетам, собирая подписи на отчетах, списках и других документах. Строители за окном прибавили этаж к дому и принялись за следующий. Анджела без умолку болтала по телефону, я тоже хотел улучшить момент, когда Галины Николаевны не будет в комнате, и позвонить Свете, но ничего не вышло. Саша сказал, что, может быть, в эту зарплату дадут премию. Я обнаружил, что у меня кончаются сигареты, и курил реже, чтобы дотянуть до вечера...

* * *

Несколько человек в белых халатах в комнате с компьютерами.

Один:

– Ну, когда он придет?

Другой:

– Скоро.

– Но он уже приехал?

– Да, сейчас у начальства сидит – скоро должны зайти.

– Надо же, сколько шума с этим приездом подняли!

– Ну как же – заказчик.

– Ну и что?

– Как, ну и что? Ты деньги откуда получаешь?

– Из конвертика на столе – а что?

Смеются.

Открывается дверь, входят двое солидных мужчин. Один седой в белом халате, другой – лысый в сером костюме.

Седой:

– Ну вот, здесь у нас, собственно, все и происходит, – подводит того, что в сером костюме к компьютерам, возле которых также собрались сотрудники.

Сотрудники:

– Здравствуйте. Здравствуйте.

Лысый:

– Добрый день.

Седой:

– Вот, можете посмотреть на экране, – сотрудники расступаются, седой показывает на экран компьютера. – Здесь есть несколько режимов просмотра, – кивает сотруднику, сидящему за компьютером: – Покажи.

Сотрудник, сидящий за компьютером:

– Это обычный режим, – на экране виден человек, идущий по коридору. – А можно посмотреть и его глазами, как видит он, – нажимает кнопку, человек пропадает, на экране – стены коридора, пол, люди, встречающиеся по пути. Изображение поворачивается.

Лысый:

– А почему изображение нестабильно?

Сотрудник:

– Голову поворачивает, по сторонам смотрит.

Лысый:

– Понятно.

На экране на мгновение происходит затемнение.

Лысый:

– А это что?

Сотрудник, улыбаясь:

– Это он моргнул.

Лысый, тоже улыбаясь:

– А-а.

Сотрудник:

– Именно из-за всего этого удобнее смотреть не его глазами, а использовать вид со стороны, – нажимает кнопку, изображение возвращается в первоначальное состояние.

Лысый понимающе кивает.

Седой:

– Можно посмотреть не только зрение, но и все другие чувства.

Сотрудник, показывая на экран с постоянно меняющимися синусоидами:

– Это слух. Сам звук мы сейчас сделали потише, чтоб не мешал, но в принципе... – добавляет громкости, становятся слышны шаги, голоса, другие звуки. Лысый кивает, сотрудник убирает звук. – На других картинках, – показывает на экране изображения постоянно меняющихся диаграмм с набором каких-то цифр, – осязание. А это обоняние и вкус.

Лысый:

– Понятно-понятно.

Сотрудник:

– Это, что касается его чувств. Теперь, можно увидеть его мысли, эмоции, – показывает на следующие экраны, на которых что-то совсем странное. – В принципе, можно перевести это в текстовую форму, но тогда будет не поспевать, – улыбается. – Думает он быстрее, чем текст. Да и разных ощущений, информации из вне тоже много.

Лысый:

– Ага.

Сотрудник:

– Можно посмотреть его настроения, желания, то, что он хочет в данный момент, – нажимает кнопку, но на экране ничего не появляется, нажимает еще и еще раз. Озадаченно: – Хм, странно.

Один из сотрудников, стоящих сбоку, робко:

– Я это временно отключил.

Седой из-за спины лысого возмущенно смотрит на этого сотрудника.

Тот, испуганно оправдываясь:

– Там нужно переделать кое-что...

Повисает неловкая пауза. Седой, нахмурившись, очень сердито смотрит на своего подчиненного.

Сотрудник, который сидит за компьютером:

– Но в любом случае, каждый момент можно посмотреть в записи, прокрутить несколько раз и разобрать подробно.

Лысый:

– В записи, то есть в памяти?

Сотрудник:

– Нет, не совсем. Запись – это прямая запись того, что происходит. А память это то, что запоминает именно он. Некоторые моменты он может помнить не очень подробно, а некоторые вообще забывает.

Лысый:

– А как вы выбираете такие моменты?

Сотрудник:

– Ну, понимаете, это уже относится к работе самой программы. В общем-то, это долго рассказывать. Мы тут подготовили... – смотрит на седого.

Один из сотрудников передает седому несколько дисков. Седой кивает и обращается к лысому:

– Да, вот, возьмите, – протягивает диски лысому. – Здесь вся документация по проекту и записи того, что уже происходило. Можно посмотреть в обычном режиме или выбирая какие-то отдельные моменты по конкретно заданному времени. Кстати, можно посмотреть, что было на самом деле, и как это запомнил он, – улыбается. – Можно также подробно увидеть все его мысли, ощущения, эмоции, желания, которые он испытывал в данный момент, и проследить, почему он принял то или иное решение, совершил то или иное действие.

Лысый, беря диски:

– Да, вот это очень хорошо. Это как раз то, что нужно. А как насчет фантазий, творческих способностей? Он вообще у вас совершает необдуманные действия? В задании специально оговаривалось, что он не должен быть как машина.

Седой, хмурясь:

– Ну, конечно, – кивает на диски. – Вы там сможете увидеть, как это сделано. Например, он отвлекается на внешние и внутренние факторы и не всегда способен сосредоточиться на чем-то, в отличии от компьютера, который, взяв задачу, решает ее до конца. Хотя, и не только это. В общем, при

оценке ситуации он иногда не успевает правильно сопоставить все факторы или увидеть их все, или проследить все связи между ними и сделать необходимые выводы. Отсюда его решения и действия не всегда наиболее оптимальны и эффективны. А насчет фантазий... Вы сможете увидеть, что ему снятся сны, которые никто не делал, но они появляются сами. Ну и еще многое другое.

Лысый:

– Угу. А как, кстати, выбираются события, в которых он участвует?

Седой:

– Ну, мы, конечно, придерживаемся общего сценария, но не в виде сплошного сюжета, а в виде, так сказать, набора некоторых событий или поворотных моментов, заставляющих или, точнее, предлагающих ему перейти к какому-то эпизоду. Например, ему было предложено то, как провести выходные – он мог согласиться или не согласиться на это. Но в любом случае, выбор всегда за ним, и поведение в каждом конкретном эпизоде и, соответственно, развитие этого эпизода тоже зависит только от него самого.

Лысый.

– Да, вот это очень важно, чтобы он все делал именно сам. А интересно, как вы поступите, если он не согласится на то, что вы ему предлагаете?

– Тогда, в зависимости от ситуации, мы предложим ему что-то другое. Или пусть он сам делает, что хочет – програм-

ма позволяет ему пойти в совершенно любое место и встретиться с любыми людьми, если, конечно, – седой улыбается, – мы решим, что они хотят с ним встретиться – второстепенными персонажами мы все-таки управляем по собственному усмотрению, а также и внешней обстановкой. Погоду, например, приходится делать самим.

Лысый:

– Понятно. А как его собственное мнение – он ни о чем не догадывается?

Седой:

– А как он может догадаться? Он ведь всегда был такой, какой есть, и это его обычный мир – он и считает, что все вполне реально. Для него это самая обычная жизнь. Он имеет полный набор ощущений, причем полноту этого набора определили ему мы. Он даже не представляет, что может быть как-то по-другому.

– А прошлое, скажем, детские воспоминания?

– Это все, конечно, есть – память сформирована полностью. Он знает, что когда-то был ребенком, помнит это, и воспоминания о детстве так же реальны как и о вчерашнем дне, который он на самом деле прожил.

Лысый кивает:

– Угу, хорошо. Я вижу, что работа проделана большая, – смотрит на экран компьютера. – Хотя, проект еще не завершен, но, по-моему, на данном этапе все неплохо.

Седой, улыбаясь:

– Спасибо.

Лысый:

– Я, конечно, еще ознакомлюсь более подробно, – кивает на диски в своей руке, – но уже сейчас видно, что вы потрудились немало и не зря.

Сотрудники улыбаются. Один из них:

– Мы старались.

Лысый:

– Да, это видно.

Седой:

– Пойдемте, там еще нужно подписать кое-какие бумаги, – приглашает идти к двери.

Лысый сотрудникам:

– Всем спасибо. До свидания.

Сотрудники:

– До свидания.

Седой в белом халате и лысый в сером костюме выходят из комнаты.

Один из сотрудников:

– Ну, теперь жди премии.

Другой:

– Поплуй.

* * *

Перед самым обедом отдал Анатолию Михайловичу гото-

вые бумаги. Строители за окном салютовали электросваркой этому торжественному моменту.

Я посмотрел на часы и решил, что пять минут это не время, можно пойти на обед немного раньше – заслужил. Проходя по коридору мимо лифта, увидел, что двери открываются, и кто-то выходит из него. Обычно лифт всегда занят или не работает, да и ехать до столовой всего два этажа – пешком дойти проще. Но если как сейчас двери открываются прямо перед тобой... «Повезло», – подумал я и зашел в лифт. Хотел нажать кнопку, но тут услышал быстрые шаги и возглас:

– Подождите, подождите!

Я подождал. И в лифт вошла она. «Вот черт», – подумал я, сказал:

– Привет, – и нажал кнопку.

– Привет, – чуть улыбнувшись, кивнула Надя.

Двери закрылись, лифт загудел и поехал. Я следил за своим лицом, за маской на своем лице. Хотя Надя и не смотрела на меня, но я знал, что все не так. Мы стояли совсем близко в тесной кабине лифта.

Чуть дрожа, лифт совершал движение. И вдруг гудение моторов резко оборвалось, лифт дернулся и остановился где-то между этажами. «Та-ак», – я посмотрел зачем-то на потолок, на пол, потом поднял руку и нажал кнопку этажа.

Никакой реакции.

Я нажал еще раз.

Все то же.

Лицо оставалось бесстрастным. Я попробовал нажать «стоп» и потом на этаж. Бесполезно.

«Так, – легкий вихрь пронесся в голове, поднимая пыль и опавшие листья. – Так. Так, так... Застряли?»

Я нажал кнопку вызова диспетчера. Какое-то гудение, треск. Я нажал еще раз. То же гудение на фоне молчания... или молчание на фоне гудения – в общем, никто не отвечал.

– Алло, – сказал я в дырочки над кнопочками, где, судя по всему, был микрофон, и чувствуя, что разговариваю со стенкой и при этом жду ответа. – Алло!

Но только молчание в ответ.

– Сейчас обед, – сказала Надя за спиной, – они, наверно, все ушли.

– Да? – несколько глупо произнес я и отпустил кнопку вызова. Посмотрел на часы – действительно был обед, который только начинался. – Что ж нам теперь... – проговорил я и замолчал.

– Придется подождать, – чуть улыбнувшись, закончила за меня Надя.

– Хм...

Глупейшее положение. Мало того, что застрял в лифте... Нет, ладно, что застрял... но с кем! Я чувствовал себя так глупо, как это только возможно. И еще, как будто именно я виноват во всем. Впрочем, конечно – это ведь я нажимал на кнопки. Хотя...

Мы молчали. Почти гробовая тишина. Глупо было молчать, стоя совсем рядом и глядя в разные стороны. Я бросил на нее быстрый взгляд. Она смотрела куда-то в стену. «И что, вот так целый час?» – с ужасом подумал я.

Посмотрел на потолок и вспомнил, как в разных голливудских фильмах герои легко выбираются из лифтов через люк в потолке. Можно, конечно, попробовать, но... как-то... Н-да...

Мы всё молчали, стоя, как будто продолжаем ехать и ждем, что двери вот-вот откроются. «Надо же так попасть! – в смятении подумал я. – Чтоб я еще когда-нибудь поехал на лифте!...»

Надя не смотрела на меня, я не смотрел на нее, впрочем, иногда поглядывал, надеясь, что она не замечает моих быстрых взглядов. Хотя, я ведь не замечал ее взглядов... ммм... если, конечно, они были. Какое дурацкое молчание! Я чувствовал, что должен что-то сказать и сказал:

– Выходит, без обеда остались, – и улыбнулся, чувствуя, что это самая идиотская улыбка в моей жизни.

– Да, выходит, – вежливо улыбнулась в ответ Надя.

«Так, что еще? – лихорадочно подумал я. – Хватит молчать!»

– Могли бы и оставлять кого-нибудь на таком важном посту, – я кивнул на дырочки над кнопками. – А вдруг кто-то в лифте застрял.

Надя снова улыбнулась.

– Может, в дверь постучать, – предложила она. – Вдруг кто-нибудь услышит.

– Думаешь? – скептически произнес я, но на самом деле ухватившись за эту мысль – все же это лучше, чем стоять в гробовой тишине.

Я постучал кулаком в дверь, потом послушал – тишина. Снова постучал с криком:

– Эй! Кто-нибудь! – чувствуя, что опять разговариваю со стенкой.

Никто не отзывался.

– Ты куда не торопишься? – с шутливой наивностью спросил я Надю.

– Да вот, хотела в столовую сходить, – вздохнула она.

– Угу, – понимающе кивнул я. – Я тоже.

– Правда?

Мы смеялись.

Потом опять молчали.

– А как вообще дела? – прерывая молчание, спросил я.

– Нормально, – буднично отозвалась она.

– Нет, – я покачал головой, – это неправильный ответ. Нам ведь здесь еще час сидеть – нужно рассказывать, как дела.

– Да? – она улыбалась. – Ну, не знаю. Дома вроде все нормально, на работе тоже.

– Понятно, – словно речь идет о чем-то серьезном и крайне важном, кивнул я.

– А у тебя? – поинтересовалась она в ответ.

– У меня? – я улыбнулся. – У меня тоже нормально.

– И всё? – она весело посмотрела на меня.

– Ммм... – я нахмурил брови, скрывая улыбку. – Нет, не всё, – приходилось поддерживать свои же собственные предложенные правила. – Позавчера в лес на лыжах ходили, белку видели, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Правда? – с неожиданным интересом отозвалась Надя.

– Да, – кивнул я и стал рассказывать про недавний лыжный поход, исключив, конечно, из рассказа Свету. Но надолго меня не хватило, скоро описание лыжных приключений кончилось.

– Действительно, хорошо, – выслушав меня, сказала Надя. – А я в детстве в зимний дом отдыха ездила, – продолжая тему, проговорила она и стала рассказывать, как она ездила в зимний дом отдыха.

У нее получилось длиннее. Я слушал, вставлял разные веселые замечания. И потом как-то плавно мы из детства перешли на институтские времена и на настоящий момент, при этом разговор перестал быть ее монологом, а стал просто разговором. Я вспоминал какие-то случаи и рассказывал ей, она рассказывала мне свои. Мы смеялись, сидя друг перед другом на корточках. И в какой-то момент я вдруг почувствовал, что мне нравится быть здесь и говорить с ней, и я рад, что лифт застрял, и все получилось именно так.

Мы болтали уже просто о всякой всячине как давно знакомые люди, когда из дырочек над кнопочками вдруг раз-

дался голос:

– В лифте! Эй, в лифте!

Надя замолчала на полуслове.

– Да, – встав на ноги, сказал я в дырочки.

– Вы что, застряли? – спросили дырочки.

– Да, – ответил я.

В дырочках что-то пошебуршало, шелкнуло и потом сказало:

– Ждите, сейчас придет механик, – и отключилось.

– Ну вот, – как-то грустно произнесла Надя. – Вот и всё.

Она продолжала сидеть на корточках, я тоже присел перед ней.

– Сейчас нас вытащат, – бодро проговорил я. – Выйдем отсюда.

– Опять на работу, – вздохнула она.

– Хм... Ну хочешь, давай здесь останемся?

– Поздно уже – сейчас механик придет.

– А мы скажем, что нас не надо вытаскивать.

– Думаешь, он послушается?

– Послушается, – уверенно сказал я.

– Нет, – улыбнулась она, – все равно надо отсюда когда-нибудь выходить.

– Серьезно? – с сомнением произнес я. – Думаешь, надо?

Мы смеялись.

Потом пришел механик и открыл двери. Оказалось, что мы не доехали до пола всего сантиметров двадцать, в общем,

выходить было несложно. Обед уже давно кончился. Мы шли по коридору обратно к своим рабочим местам. Я посмотрел на часы.

– Галина Николаевна сейчас меня просто съест, – сказал я. – Мало того, что без обеда остался, да еще придется стать чьей-то закуской.

Надя смеялась.

– Ничего, – говорила она, – может, обойдется. А если что, ты меня на помощь зови.

– Обязательно, – кивнул я.

* * *

Трое в белых халатах перед компьютером. Открывается дверь, в комнату входит девушка с листом бумаги и ручкой в руках. Подходит и кладет лист на стол перед теми, что в белых халатах. Девушка:

– Вот, расписывайтесь.

– Что это?

– Премия. Расписывайтесь, потом зайдете к нам в бухгалтерию и получите.

Те, что в белых халатах по очереди берут листок и расписываются.

Один из них:

– А мне почему так мало?

Девушка:

– Откуда я знаю? Не я же эти цифры придумала.

Смотрит в экран компьютера. Там двое идут по коридору. Девушка, что на экране, точная копия той, которая стоит перед компьютером.

Девушка, удивленно показывая на экран:

– А это что такое?

Один из тех, что в белых халатах, улыбаясь и как бы между прочим:

– А это так, программа работает.

Девушка, хмурясь:

– Вот как? Мне говорили, что вы тут что-то такое сделали, но я не верила.

Второй, улыбаясь:

– И правильно.

Девушка недовольно:

– Как же правильно? Вы это зачем?

Второй удивленно:

– А что такого? Просто картинка на экране.

Девушка возмущенно:

– Это не просто картинка! Себя небось туда не засунули.

Третий:

– Но это же как в кино. Мы думали, тебе понравится. Девушка, забирая лист с подписями, ворчливо:

– Как в кино... Спрашивать надо было!

Второй, пожимая плечами:

– Ну теперь поздно, уже не переделаешь.

Девушка, хмурясь, глядя в экран:

– Вот не выдам вам никакую премию за такие штучки – узнаете тогда.

Второй, скрывая улыбку:

– Ладно тебе, мы больше не будем.

Девушка недовольно:

– Больше и не надо.

Поворачивается и в праведном возмущении уходит.

Все весело смотрят ей вслед.

Первый, когда дверь за девушкой закрывается:

– А мы ее еще и в постель уложим.

Все смеются.

* * *

На следующий день было тепло. Солнце игриво подмигивало мне в просветах между домов, когда я шел на работу. Тяжелый мокрый снег на улицах, впрочем, мягкий, вальяжно развалившийся в свободной позе. Теплый почти весенний ветерок. Все дышало теплом и светом, свежестью. К чему бы это? Даже на работу идти не так тяжело, даже толпа в метро не такая буднично отчужденная. Интересно...

Вчера вечером, придя с работы, звонил Свете. Болтали с ней, наверно, целый час. Я думал о том, что было днем в лифте, и смотрел на Свету как бы со стороны, правда, «смотрел» звучит странно для разговора по телефону. Но что-то

появилось во мне, новое. Я не хотел понимать что. Может, боясь ошибиться, а может, не желая спугнуть это... если, конечно, что-то было. Не знаю. Я не хотел понимать.

Свете не стал рассказывать про приключение в лифте, хотя так и подмывало. Но я держал это при себе, не думая, что поступаю плохо или хорошо со Светой – я пока еще никак не поступал, просто говорил с ней по телефону в обычной веселой манере, и чувствуя что-то новое внутри, но пока не зная, что это.

Света говорила о массе свободного времени на этой неделе, я упорно не понимал намеков, отшучивался. Зачем? Пока не знаю. Я просто удобно развалился на диване, как сегодняшней снег на улицах, и плыл по течению, стараясь не думать, куда. Лишь интуиция тихонько нашептывала сладкие обещания, мне было приятно слушать ее. Я улыбался про себя, разговаривая со Светой и глядя на нее со стороны, но не отчужденно, нет.

Так к чему же это почти весеннее утро? Оно так похоже на мое собственное настроение. И вставать рано не так тяжело и на работу идти не так лень. И Земля, наверно, уменьшилась в размерах или в плотности – сила тяжести явно не та – как на Луне, ну, или как на Марсе... Черт. Бред! Невозможный бред. Рыжие муравьи бреда заползли в голову и копошатся и ползают там, не зная покоя. Чем травят муравьев? Этих – ничем. Они будут строить муравейник. Уже строят. Как строители напротив работы – гремя машинами и свер-

кая сваркой.

Ладно. Поезд остановился, я вышел из вагона. Время свободно пасущихся, ничем не ограниченных мыслей кончилось с окончанием поездки в метро. Теперь рабочие будни возьмутся за меня. И они – всерьез.

Когда поднялся на свой этаж и шел по коридору, думал, что встречу ее. Забавно, сегодня мне хотелось встретить ее так же, как раньше не хотелось. Я почему-то был почти уверен, что встречу. Но не встретил. Даже странно. Я чуть задержался у своей двери, обернулся и посмотрел вдоль коридора. Нет, ее не было. Жаль... Ну да ладно. Я открыл дверь и вошел в комнату – совершенно добровольно, и потом еще и закрыл за собой дверь – залез в пасть и помог закрыть за собой рот – рабочий день проглотил меня. Я был кролик, рабочий день – невидимый удав, к тому же ленивый и неподвижный – он только открывал пасть, а все сами заходили в нее. Что ж, я уже привык, что каждый день я – съеденный кролик. Неважно.

– Здравствуйте, Галина Николаевна, – улыбка на лице. – Здравствуйте, Анатолий Михайлович. Привет, – это уже Андже. И еще раз: – Привет, – это Саше.

Уф! Я шумно опустился на стул за своим столом.

– Какой-то ты сегодня возбужденный, – сказала Галина Николаевна.

– Да? Погода, наверное, – улыбнулся я.

– А может, влюбился? – сделала предположение Андже.

– А может, развелся? – сделал предположение я.

– Нет, просто узнал, что сегодня премию будут давать, – ни к кому не обращаясь, сказал Саша.

– Нет, – сказал Анатолий Михайлович. – Просто наконец понял, какое это счастье – ходить на работу.

– Точно, – кивнул я. – Вы совершенно правы.

Все поулыбались и потом, опустив головы, принялись за работу.

«Действительно, сегодня же зарплата, – думал я, перебирая бумаги. – Значит, надо будет зайти в бухгалтерию. Там-то я ее и увижу». Бумаги весело шелестели в моих руках.

Нарочно выходил курить чаще, чем обычно. Стоял и смотрел в сторону двери комнаты, где работала она. Пару раз даже прошелся туда, как бы прогуливаясь. Но она так и не появилась. Я был огорчен, что моя маленькая хитрость со случайной встречей не удалась. Впрочем, не огорчен, а так – просто не получилось. На самом деле я совсем не часто случайно встречал ее, даже не каждый день – так что все было нормально. Муравьи в моей голове вызывали зуд, подмывая зайти к ней, но я не поддавался – здравый рассудок еще держал свои позиции.

В обед тоже не видел ее, хотя крутил головой как Карлсон пропеллером и в коридоре и в столовой. Но ее не было. «Может, ее сегодня вообще нет на работе?» – мелькнула паническая мысль. Собственно, это легко проверить.

После обеда все стройными рядами двинулись в бухгалте-

рию – получать деньги. Я, конечно, тоже занял место в очереди. Весело болтал с Сашей и Анджелой, натянув на лицо выражение непринужденной легкости, пока очередь двигалась. Муравьи щекотали меня своими усиками, я старался улыбаться не вымученно, а естественно. Проклятые насекомые заползли еще и в грудь и в живот. Черт! Найду на вас управу!

Наконец пришло и мое время. Я заглянул в окошко. Она сидела там.

– Привет, – улыбнулся я.

– Привет, – улыбнулась она мне не так вежливо, как всем, в том смысле, что мне – искренне. Я был на седьмом небе.

– Расписывайся, – она протянула мне ручку и ведомость и стала отсчитывать деньги.

Напротив моей фамилии стояла довольно большая, больше обычного, сумма – действительно дали премию. Я расписался, она выдала мне деньги.

– Спасибо, – улыбнулся я.

– Пожалуйста, – снова небесно улыбнулась она.

Хотелось сказать что-то еще, но очередь за спиной не простила бы мне это. Я только еще раз расплылся в блаженной улыбке, взял пачку денег и отошел.

Саша поджидал меня в коридоре.

– Ну как, – сказал он, – получил?

Я кивнул.

– Гуляем! – веселился Саша.

– Ага, – вяло улыбнулся я в ответ.

«И что, – думал я, снова сидя за своим столом, – увидел? Ну и что с того? Стоило так стремиться! Ты для нее просто один из очереди. А возомнил себе...» Муравьи внутри расшевелились не на шутку. Я цыкнул на них, пообещав растоптать всех до одного. Они вроде испугались и затихли на время.

Уже в конце дня стоял и курил в коридоре. Было все равно. Я устал. От работы, от муравьев, от света за окном, от вида коридора, комнаты, людей вокруг. Стоял и просто смотрел себе под ноги. Сигарета почти докурилась. Я поднял голову и... Как вы думаете, что я увидел? Вернее, кого? И как, вы думаете, изменилось мое отношение к окружающему? И в какое состояние я пришел? То-то! И чего стоят все эти настроения и эмоции и окружающая действительность, если всё так легко меняется лишь от одного взгляда?

Она шла по коридору. Всё померкло вокруг... или наоборот – засверкало небесным светом. Я вцепился в сигарету, словно просто стоял и курил здесь и совсем не ждал встретить ее. Впрочем, почему словно? Я ведь и на самом деле... Хотя, если говорить честно, то... Хватит! Муравьи, вы ведь этого хотели целый день? Так молчите и падите ниц теперь.

* * *

Двое в комнате у компьютера.

Первый:

– Какой телефон на телевидении?

Второй удивленно:

– На телевидении?

– Да. Надо быстро звонить. За эту сцену мы получим целое состояние.

* * *

Она подошла совсем близко.

– Привет, – сказал я и тут же вспомнил, что уже говорил ей это сегодня.

– Привет, – улыбнувшись, ответила она.

– Как дела?

Она остановилась.

– Нужно рассказывать, как дела? – улыбалась она.

– Ммм... да, – с притворной серьезностью произнес я. –

Пусть это станет традицией.

– Нет, – она все улыбалась, – сейчас времени мало, нужно идти. Потом расскажу, когда в следующий раз застрянем в лифте.

– Хорошо, – кивнул я. – Кстати, ты знаешь, что сегодня вечером в кафе здесь недалеко будет проходить встреча всех жертв застрявших лифтов? Могу проводить.

– Серьезно? – она смеялась.

– Явка обязательна, – добавил я и потом улыбнулся: –

Правда, давай сходим. Я сегодня богатый, – и похлопал себя по карману, набитому премией.

– У-у, – она наморщила носик. – Лучше завтра. Сегодня никак не получится.

– Хорошо, – тут же согласился я, – давай завтра вечером после работы.

– Хорошо, – улыбаясь, кивнула она.

– Кстати, какой у тебя телефон? Скажи на всякий случай.

Она сказала. Я попросил ручку, которая была у нее в руке, и записал на пачке сигарет.

– Ладно, – кивнул я, – позвоню.

– Ну, я пойду, – с веселым взглядом сказала она, – а то времени уже мало остается.

– Угу. Значит, завтра?

– Да.

Она еще раз улыбнулась и ушла. Я стоял, совершенно обалдевший, витая где-то в облаках. Потом свалился обратно на рабочее место.

Когда ехал в метро домой, все думал о ней и о завтрашней встрече. Люди вокруг. Я вспоминал ее улыбку. «А ведь я попался», – подумал я.

«Да, да», – закивали муравьи мне в ответ.

«А как же Света?» – спросил я их.

Но они опустили головы, сделав озабоченный вид, и разбежались кто куда по своим муравьиным делам.

Вечером стал звонить ей. Телефон, записанный на пачке

сигарет. Я вертел ее в руке, слушая гудки в трубке. Долго. Я долго слушал гудки. Потом набрал номер еще раз. Но мне так никто и не ответил. Ладно. Я положил трубку и пошел смотреть телевизор. Какой-то фильм. Действие сюжета мешало думать о ней. Но я все равно смотрел – просто больше нечего было делать. Когда фильм кончился, решил еще раз позвонить ей. Муравьи молчали, я сам хотел позвонить ей.

Время уже было позднее, но в общем не совсем. Хотя, если сейчас никто не подойдет, то позже звонить уже не стоит. Я снова слушал гудки в трубке. Потом раздался легкий щелчок.

– Алло?

– Привет, – сказал я, отметив про себя, что это уже в третий раз за сегодня.

– А, привет, – голос был веселый.

– Как дела? – спросил я, и мы вместе засмеялись на эту фразу.

Потом Надя стала рассказывать, что ездила к подруге и только сейчас пришла домой. Потом мы просто болтали, смеялись.

Было интересно слышать ее по телефону – она была словно другая, не та, которую я видел на работе. Впрочем, наверное – потому что официальная обстановка учреждения не окружала нас сейчас, мы разговаривали просто как знакомые, а не как сослуживцы, и так, пожалуй, было лучше.

В конце разговора мы еще раз договорились о завтрашней

встрече. Потом пожелали друг другу спокойной ночи и положили трубки.

Я встал у окна, глядя на ночной город и думая о том, что она вскружила мне голову. Да, она вскружила мне голову.

Когда спал, то не видел, как падают звезды с небес. Зато я видел сны.

Следующий день... Господи, а был ли он, следующий день? По-моему, только ожидание вечера. Я что-то делал, но так, мимоходом, просто потому, что пока еще есть время до вечера, и это время надо как-то убить. Я убивал его. Нещадно.

Один раз видел ее в коридоре. Но она шла в противоположную от меня сторону и была довольно далеко. Ладно, неважно.

Кто хотел расправить время влажной от пота рукой и прищурившись наметить на нем путь до следующей точки? Посмотреть на компас, поправить рюкзак за плечами и отправиться дальше. Что вокруг?

Сегодня было так же тепло. Я стоял перед проходной, курил и ждал, когда она выйдет. Уже стемнело. Машины проезжали по дороге за спиной. Я поднял голову – нет, звезд не было, тучи закрывали их. Опустил взгляд и увидел ее. Она, улыбаясь, подходила ко мне. Мир не исчез, не изменился, просто я перестал замечать его – было не до того.

Мы шли по улице.

– Как сегодня работа? – спросил я. – Не слишком много

дел?

– Нет. Сейчас начало месяца, мало работы. Днем ходила на третий этаж, нужно было ведомости подписать. Там ребята знакомые, у них в комнате телевизор и видео. Посидела, кино посмотрела. Потом, когда к себе вернулась, меня спрашивали, почему я так долго, опять в лифте застряла?

– Правда? – смеялся я. – А ты что?

– Сказала, что нет, просто автобус долго ждала.

– С третьего этажа на второй? – веселился я. – Тогда уж скорее самолет.

– Угу, – кивнула она. – Они примерно так и ответили.

Мы уже подходили.

– Вот, – я показал на светящуюся вывеску, – нам туда.

– Да, – сказала она, – я там была пару раз. Ничего, мне понравилось.

– Хорошо.

Мы зашли внутрь. На улице было не холодно, но когда мы зашли внутрь, тепло помещения по разнице с улицей напомнило, что все-таки еще зима. Впрочем, здесь было скорее даже жарко. Играла музыка, мы сели за один из столиков.

– В прошлый раз, когда я здесь была, – сказала Надя, – тут был такой вкусный коктейль оранжевого цвета.

Я улыбнулся.

– Сейчас мы его и закажем.

Я знал, о чем она говорит. Мы с друзьями иногда заходили сюда – от работы совсем близко, всего пять минут ходьбы.

Хотя мы бывали здесь не так уж часто.

Я сидел, глядя на Надю. Почему-то вдруг возникло странное чувство, что этого всего не может быть – то, что она здесь со мной. Слишком давно я знал ее, и при этом мы были совсем отдельно. Но теперь... словно это был другой человек, хотя это все равно была она. Я говорил с ней и ощущал это странное чувство, но потом оно прошло, и я решил, что это просто полумрак и громкая музыка поначалу так подействовали на меня.

Мы говорили о всяких пустяках.

– Да, – улыбалась Надя, – у меня в детстве был попугай, маленький такой зеленого цвета. Он ничего не говорил, а потом вдруг взял и сказал: «Ёксель-моксель». Откуда он это взял?

– Может, услышал от кого-нибудь? – улыбался я.

– От кого? У меня ни папа, ни мама такое не говорили никогда, и я тоже.

– Тогда в телевизоре или по радио.

– Ну да. Я его сколько раз пыталась научить, чтобы он говорил. Иногда часами ему что-нибудь повторяла – он никак. А тут один раз по телевизору услышал и стал говорить? Нет.

– Ну, тогда... может, ему приснилось просто.

– Приснилось?

– Ага. Кошмар какой-нибудь.

– Ёксель-моксель?

– Ага. Он со страху и стал кричать. Хорошо, что чего-ни-

будь похуже не приснилось, а то бы он такое крикнул.

Мы смеялись.

– А у меня в детстве собака была, – сказал я.

– Ей кошмары не снились? – спросила Надя.

– Нет, – улыбнулся я. – Хотя, не знаю, она не говорила.

Большая собака. Я тогда еще в школе учился.

Местный коктейль действительно был вкусный и при этом довольно крепкий. Он создавал тепло в теле и вату в голове. Я сидел теплый и ватный и рассказывал про детство. Детство, как давно это было, как славно и солнечно всё! Хотя нет, не всё – в детстве тоже случались всякие мрачные периоды – конечно. Но как-то все равно это было по-детски легко и, в любом случае, сейчас вспоминалось только радостное и веселое, а плохое... словно его и не было.

Выйдя на улицу, я взял такси. Мы сели на заднее сидение. Огни вокруг за стеклом, машина ехала быстро. Я обнял Надю и поцеловал.

– Поехали ко мне в гости, – сказал я ей.

– Меня дома ждут. Уже поздно.

– Позвонишь и скажешь, что остаешься у подруги.

– А у тебя есть телефон? – с притворным удивлением спросила она.

– Ох, – вздохнул я, – чего у меня только нет.

– Что ж, – она улыбалась, – тогда придется поехать.

Мы направлялись к дому Нади, но я сказал водителю, что теперь нужно ехать в другое место, назвав ему свою улицу.

По-моему, он был недоволен, но все равно отвез.

Поднимаясь в лифте на мой этаж, мы стояли рядом в тесной кабине, и мне подумалось, что это похоже на то, как мы стояли тогда. Я улыбнулся, Надя вопросительно посмотрела на меня.

– Опять в лифте, – сказал я.

Она сделала большие глаза.

– Ну уж хватит! Сейчас мне совсем не хочется застревать и сидеть тут всю ночь, – но потом тоже улыбнулась.

В прихожей мы сняли пальто, и как-то так получилось, что Надя оказалась совсем близко передо мной. Я обнял ее и поцеловал. Мы долго стояли так. Мне не хотелось выпускать ее.

– Мы что, так и будем стоять? – потом спросила она.

– Нет, – улыбнулся я. – Хватит стоять.

В комнате я не стал зажигать свет, я стал снимать одежду.

Эй, кто там смотрит на время? Пора остановиться и устроить привал. Здесь хорошо, в этом месте.

Потом после всего мы просто лежали в темноте под одеялом.

– А знаешь, – сказала Надя, – я ведь так и не видела, что в твоей квартире, и сейчас даже не знаю, где нахожусь.

– Хм, – я улыбнулся. – Действительно. Но как-то не хотелось включать свет, – я повернулся к ней. – А может, и не надо? – весело спросил я.

– Не знаю, – вздохнула она. – Но я бы сейчас выпила кофе.

А заодно бы и посмотрела, что тут у тебя.

– У меня тут я, – сказал я и обнял ее.

– Нет, подожди. А как же кофе?

– Уф! – приходилось вылезать из-под одеяла и вставать. –

Ладно, – сказал я, – будет тебе кофе.

Я встал и, выходя из комнаты, щелкнул выключателем.

Яркий свет ударил по глазам.

– Ну вот, – сощурившись, произнес я, – говорил же, что лучше не надо.

– Ничего, – она тоже щурилась. – Зато теперь я знаю, что была в квартире, а не в какой-нибудь неизвестной темной пещере.

– Что же в этом хорошего? – улыбнулся я и пошел на кухню делать кофе.

Утром мы ехали на работу вместе. Необычно было ехать на работу не одному. Я подумал, что, возможно, теперь такое будет случаться часто. Зашли в проходную вместе. Знакомые попадались на пути, мы здоровались с ними. Около ее комнаты мы остановились.

– Ну, я пойду, – сказала Надя.

– Угу, – кивнул я, подумав, не поцеловать ли ее на прощанье. Но решил, что не стоит этого делать в коридоре на виду у всех. – Пока, – улыбнувшись, произнес я.

– Пока, – сказала она и зашла в комнату.

Я прошел дальше по коридору к своей двери.

Но это было неправильное прощание, потому что днем мы

еще виделись с ней. Я стоял в коридоре и курил, разговаривая с Сашей. Надя проходила мимо.

– Привет, – игриво улыбнулся ей Саша.

– Привет, – тоже на всякий случай сказал я ей.

Она улыбалась.

– Привет, привет, – с улыбкой ответила Надя и, не останавливаясь, прошла мимо.

– Нет, все-таки надо ею заняться, – глядя ей вслед, проговорил Саша. – Ты как считаешь?

Я пожал плечами, ничего не ответив и улыбаясь про себя.

Вечером Света позвонила мне.

– Чем занимаешься? – спросила она.

– Так, телевизор смотрю.

Я не знал, как говорить со Светой и старался вспомнить, как я это делал всегда.

– Чего не звонишь? Я тебе вчера весь вечер звонила, ты где пропал?

– Так, дела всякие, – как можно безразличнее ответил я.

Света была словно из прошлой жизни. Я сейчас находился в другой.

– Угу. А я себе новую люстру купила. Приезжай смотреть.

– Ладно, – сказал я, – заеду как-нибудь.

Она фыркнула в ответ.

– Как-нибудь он заедет! Что-то ты пропадать стал последнее время.

– Дела всё, – протянул я, – то одно, то другое.

– Ну-ну, – недовольно произнесла она. – А в выходные ты к Даше с Олегом собираешься? Или опять всё дела?

– Не знаю, – вздохнул я. – Там видно будет.

– Вот как? Ты вообще подумай, что тебе важнее – общественное или личное? А то так и останешься.

– Обязательно, – улыбался я, – подумаю.

– Так, ну хорошо, – деловито произнесла Света. – А завтра ты что делаешь?

– Завтра? А что завтра?

– Тут в ближайшем кинотеатре идет очередной невозможный блокбастер. Ты вообще не думаешь, что нужно сходить и проверить, насколько он невозможен? Только не заставляй скромную девушку назначать тебе свидание – она этого не вынесет.

– Завтра... – устало пробормотал я. – Завтра не получится. Тут надо товарищу помочь, – я говорил медленно, лихорадочно придумывая и отбирая варианты. – Он ремонт дома затеял и просил помочь мебель переставить, ну и еще там по мелочи, – соврал я.

Глупость, конечно, но ничего лучше так сразу не придумалось. На самом деле на завтра я договорился встретиться с Надей. Черт! Как же не хотелось врать Свете! Но что было делать?

Сказать ей, что всё, что больше не звони? Нет, я не мог сказать ей такое, просто язык не поворачивался. Хотя, и врать было не лучше, но... Черт! Я не знал, что делать.

– Ремонт? – проговорила Света. – Так-так. А вернешься ты когда?

– Не знаю, – протянул я. – Возможно, там останусь. Он далеко живет, – хорошо, что Света не видела меня сейчас – я чувствовал, как краснею.

– Н-да? И что же вы там всю ночь будете делать?

– Ну, что во время ремонта делают? – весело проговорил я. – Пьют за успешное окончание, конечно.

– Угу, – серьезно произнесла Света. – Понятно. Что ж, придется ждать окончания ремонта. Но ты все ж звони. А то не ровен час...

– Хорошо, – пообещал я, – конечно.

– Ммм... Ну ладно, – сказала Света, – пока.

– Пока.

И мы положили трубки.

* * *

У компьютера.

Первый:

– Может, ему еще и третью добавить?

Второй:

– Хватит ему и двух. Слишком хорошо тоже плохо.

Я положил трубку и сидел какое-то время неподвижно перед телефоном. Света, Надя... Словно ветер шелестит, пролетая мимо. Что-то надо делать с этим? Или не надо? Я потряс головой и пошел делать кофе на кухню.

Перед тем, как лег спать, мне на глаза попались книжки, которые дала мне Даша. Я совсем забыл о них. В тот день (или вечер?) я вынул их из сумки и положил на полку. Они так и лежали там. А сейчас я как-то случайно посмотрел туда и увидел их.

Так. Я взял ту, которая потоньше, и стал листать.

Сборник философских статей, как я понял, на одну тему. Что-то о сознании, мировосприятии, сравнение западных и восточных религий, философских учений. Так. Я раскрыл наугад и начал читать. Хм... Оказалось не так уж и скучно. Мне понравилась фраза о том, что если окружающее это твои ощущения, то что будет с миром, когда ты умрешь? То есть, останется ли окружающий мир после твоей смерти, если он – это только твои ощущения? Хм... Я открыл начало этой статьи. Но там оказались длиннейшие рассуждения на тему о том, что невозможно узнать то, что невозможно узнать, и никак нельзя определить, какие мы на самом деле, и есть ли вообще это «мы» – потому что, возможно, тот, кто видит и слышит и формирует мир своими ощущениями, яв-

ляется единственным, кто присутствует в этом мире. Но это никак нельзя узнать, потому что кроме своих ощущений у нас нет другой информации об окружающем. Но ощущения это только сигналы, которые поступают неизвестно откуда и формируют образы лишь в нашем мозге, возможно, не являясь таковыми на самом деле. Но мы не можем узнать, что происходит на самом деле, потому что кроме своих ощущений у нас нет...

В общем, скоро мне это наскучило. Я закрыл книжку и включил телевизор.

Днем ничего не происходило. Разве что дом напротив вырос еще на этаж. Скоро, скоро мы узнаем, кто выиграл спор. Собственно, можно и прямо сейчас пойти к строителям и спросить, сколько этажей будет в доме? Но так ведь неинтересно.

В обед шел в столовую вместе с Мишей. Он жаловался, что Виктор Степанович совсем загонял его по всяким мелким делам, а зарплату не прибавляет.

– Если так дальше пойдет, буду увольняться, – решительно говорил Миша. – Что еще остается?

Я кивал, понимающе и сочувственно.

В столовой, когда сидели с ним за столом, Надя прошла мимо нас. Мы, улыбнувшись, поздоровались с ней. Она была с подругами и села за столик с ними.

– Знаешь Серегу с третьего этажа? – кивнув на Надю, спросил Миша.

– Ну, – я неопределенно пожал плечами.

– У нее с ним... – начал говорить Миша.

Но тут вдруг подошел наш знакомый, поздоровался и сел рядом. Стал рассказывать какие-то новости. Новости были неинтересные, я ел и думал, слышал ли я последнюю Мишину фразу? Или, вернее, стоит ли мне слышать, обращать внимание на нее? И стоит ли потом переспрашивать его об этом? Конечно, неизвестно, что он хотел сказать, но... Но, может, пусть это так и останется неизвестным? Зачем мне знать то, что я не хочу знать? Хотя, с другой стороны, лучше знать, чем не знать. Но если знать то, чего не надо знать, то лучше бы этого не знать. Потому что если узнать, то потом уже нельзя будет разнать обратно. В общем, знать или не знать – что лучше, как узнать?

Сложно сказать, как бы я поступил в конце концов, но Миша вдруг заторопился по каким-то важным делам вместе с этим знакомым. Он сказал, что нужно успеть до конца обеда, и поэтому даже не стал доедать то, что у него было. Они встали и спешно покинули столовую, оставив меня в неопределенности с сомнениями и подозрениями.

Я посмотрел на Надю. Она весело разговаривала о чем-то с подругами. Было приятно смотреть на нее и понимать, что я могу быть с ней, что она со мной. Она была лучшей из всех – что мне нужно еще? Я не хотел думать, я хотел чувствовать ее рядом и знал, что для этого нужно лишь дождаться вечера – вот и всё – больше мне ничего не надо было знать. Что ж,

хорошо. Я отвел взгляд и перестал помнить Мишины слова.

Но один муравей все же остался с черными мыслями. Он тихонько уполз в норку и затаился там до поры.

Ладно. Отсутствие событий продолжалось до вечера. Галина Николаевна сказала, что скоро у Виктора Степановича день рождения, и нужно сдавать деньги на подарок. Мы все скинулись, кто сколько смог. Перед самым концом рабочего дня приходил местный пожарник и сказал, что в нашей комнате нет ответственного за противопожарное состояние. Мы тут же общим мнением единодушно выбрали Анатолия Михайловича и разошлись по домам.

В лесной чаще, в горах или в поле тот, кто идет, забудет о сне. Он ищет путь... Нет, он знает все пути. Он ищет тот, который нужен ему. Время.

Серый унылый день, который был будни, закончился замечательным разноцветным вечером и еще более замечательной темной ночью со звездами и кометами.

Вечером Надя снова была у меня. Хотя, скорее, ночью. Ночь играла тьмой как ветер воздушными шарами в небе. Впрочем, все это было там, за окном – ветер, ночь. Здесь была просто тьма, которая тоже ночь, но та, что здесь – наша отдельная ночь. Когда люди живут в домах, ночь наполняет их тьмой. И есть одна большая ночь, а есть маленькие отдельные ночи в каждом доме. И если выйти на улицу, то можно увидеть, что большая совсем не такая, как та, что в твоём доме. Лучше или хуже – бывает по-разному, смотря,

что происходит здесь и там, и смотря, что для тебя лучше или хуже. Но можно не замечать всего этого – просто заку- рить, поддать воротник и, сунув руки в карманы, идти своей дорогой. Собственно, ночь не станет другой от этого, ей все равно, замечаешь ты ее или нет.

Вот, примерно так. Все это к тому и о том, что Надя сно- ва была у меня. И если говорить о каких-то мыслях, то им было не место в моем доме. К чему эти мысли? Кому нужны мысли, когда такая девушка ночью с тобой?

Утром не хотелось вставать. Сказать, что я не выспался, все равно, что сказать о трупе, что он не очень живой. Но когда я все же открыл глаза, и Надя была рядом, и я поцело- вал ее... Всё изменилось, словно и не было этой бессонной ночи... В смысле, что не было бессонной, а не самой ночи.

Потом мы позавтракали и вышли на улицу. Странное стеклянное состояние владело мной. Я был прозрачен для усталости, прозрачен для холода и ветра, для отсутствия сна. И так же как стекло в окне я был хрупок и прям. Я знал, что это скоро кончится, и тогда все, что проходит мимо сей- час, навалится и раздавит меня. Но пока я был бодр и весел. Нужно было двигаться, я использовал свое состояние, не ду- мая, что будет потом.

Мы спустились в метро, прошли через турникеты на стан- цию и остановились на платформе. Народу было немного. Я одной рукой обнимал Надю, когда мы ждали поезд. Долго ждать не пришлось, поезд пришел почти сразу. Сегодня они

вообще ехали один за другим. Видимо, поэтому и народа было мало. Поезд остановился, двери раскрылись перед нами. Вагон тоже был полупустой. Я продолжал обнимать Надю, когда мы зашли в вагон. И вдруг...

* * *

У компьютера.

Первый:

– Даже не знаю, что доставать в таких случаях – пистолет или носовой платок?

Второй, кивая:

– Или веревку с мылом.

Третий назидательно:

– Лучше вести себя как надо, чтобы не попадать в такие ситуации. Первый и второй, застыв в немом удивлении, обалдело смотрят на третьего.

* * *

Когда мы заходили в вагон, я обнимал Надю. И вдруг я увидел... вернее, встретился взглядом. И этот взгляд смотрел сначала на меня, а потом на Надю. Я хотел провалиться сквозь землю от этого взгляда, но мы и так были под землей. Некуда бежать, нельзя проснуться – остается лишь принять

все, как есть.

Света стояла в вагоне и смотрела на нас. Когда мы вошли, то оказались прямо перед ней. Я застыл от неожиданности. Она смотрела на нас, я смотрел на нее. Двери за спиной начали с грохотом сходиться и захлопнулись, я вздрогнул от этого звука и вышел из застывшего состояния и окончательно понял, что происходящее происходит на самом деле и некуда деваться от этого.

Мелькнула мысль, не притвориться ли своим двойником, который не знает Свету? Но, пожалуй, это было бы совсем плохо и даже еще хуже. Нет, так нельзя. Я вдруг понял, что уже довольно долго стою перед ней и молчу – гораздо дольше, чем когда встречают знакомого, пусть даже самым неожиданным образом. Света уже не смотрела на нас, а перевела взгляд на что-то за моим плечом.

– Привет, – чуть улыбнувшись, сказал я ей.

– Привет, – снова глядя на меня, сказала Света, не обрадовавшись, не удивившись, а так, словно мы играли в игру, давно уже стоя друг перед другом и здороваясь каждые пять минут, и, поскольку, это было далеко не первое повторение, то сейчас уже было не смешно. В общем, буднично сказала, бесцветно, но не устало, а так... готовая к действию.

Я продолжал обнимать Надю. Гадко было стоять перед Светой и обнимать Надю, но теперь убирать руку было бы уже глупо. И молчать было глупо.

– Ты тоже на работу? – глупо улыбнувшись, произнес я.

– Угу, – серьезно ответила Света. Но насмешка была в ее глазах.

Надя стояла, словно не замечая нашего разговора.

– Как ремонт? – с той же насмешкой поинтересовалась Света.

– Ремонт? – удивленно переспросил я, но тут же вспомнил о своем вранье. – А... пока никак, – пробормотал я.

– Понятно, – сочувственно покивала Света, бросив взгляд на Надю.

Поезд ехал в тоннеле, нас немного покачивало. Надя вдруг подняла левую руку и посмотрела на запястье.

– Ой, – улыбнулась она мне, – кажется, я у тебя часы за-была. Сколько сейчас времени? Мы не опоздаем?

Я посмотрел на свои часы.

– Нет, – сказал я, – как раз вовремя.

Света усмехнулась на это и опустила взгляд. Поезд выехал на станцию.

– Ну ладно, – сказала Света, – пока.

И, обойдя нас, прошла к двери.

– Пока, – сказал я ей вслед.

Кажется, она опять усмехнулась, но за спиной я точно не расслышал.

Поезд остановился, и Света вышла из вагона. Обернувшись, я смотрел, как она уходит вглубь станции. Это была явно не ее остановка, здесь ей совсем не надо было выходить.

– Мы точно успеем? – спросила Надя.

– А? Да, – рассеянно отозвался я, – успеем. Даже чуть раньше.

Надя так и не спросила про Свету. Не знаю, что она подумала.

Возможно, решила, что это просто знакомая, которую мы случайно встретили. Мало ли у кого какие знакомые.

Я стоял рядом с Надей в мчащемся по темному тоннелю поезде и думал о Свете. Черт! Как неудачно все получилось. Но впрочем... впрочем, может, это и правильно. Может, так оно и лучше. По крайней мере, не нужно ничего объяснять. Я посмотрел на Надю. Она чуть улыбнулась мне. Я ответил ей улыбкой.

Н-да... Но все же нехорошо это вышло со Светой. Как-то... Хотя, с другой стороны, рано или поздно должно было случиться нечто подобное, вернее, не подобное, а... В общем, пожалуй, мы должны были расстаться рано или поздно – я никогда не собирался стариться вместе с ней. Но все же... все же... Как-то нехорошо это вышло. Я чувствовал себя негодяем, полным ничтожеством. Черт! Как гадко было внутри! Нет, все равно... То, что случилось, уже случилось, и обратно не вернешь. Так что все равно... Я чувствовал себя негодяем и лишь ухмылялся по-негодяйски на это. Я не мог сопротивляться, не мог ничего сделать. Ничего не мог. Стекло состояние поймало меня как муху в янтарь, не давая двинуться и только подставляя меня ветру и снегу словно стекло в оконной раме. Но оно и защищало, де-

лая меня прозрачным и не задерживающим ничего в себе. Ладно, неважно. Конечно, нехорошо получилось со Светой, но... что поделаешь?

Стеклянное состояние кончилось незадолго перед обедом. Я вдруг почувствовал, что всё, батарейки кончились, и больше ничто во мне не может работать. Сила тяжести вдруг стала слишком большой и давила меня, и не было возможности сопротивляться и не хотелось сопротивляться ей. Бросить бы всё и лечь прямо здесь, прямо на пол. Я не думал о Свете, вообще ни о чем не думал – слишком сильная сила тяжести притянула все мысли, и они стекли куда-то вниз, ниже шеи. «Ну и черт с ними, – устало подумал я, – туда им и дорога». Ладно, завтра выходные – как-нибудь дотянем.

Встретил Надю в коридоре.

– Как ты? – спросил я.

– Нормально, – пожала она плечами. – Спать хочется.

– Мне тоже, – кивнул я. – Поехали после работы ко мне.

Будем спать все выходные, не вставая, – я улыбнулся.

– Нет, – она устало покачала головой, – нужно домой идти – хоть иногда там появиться. Давай лучше завтра – ладно?

– Ладно, – согласился я. – Завтра так завтра.

Мы еще поговорили немного и потом разошлись. Каждый по своим делам.

Вечером была пустота – в доме, в душе. Хотелось спать, но я не ложился, не знаю почему. Просто не желая сдаваться физиологии. Включил музыку погромче. Она заполнила

дом, но не меня. Лишь окрасила пустоту внутри в черный цвет, сделала ее жестче. Хотя, и дом оставался пустым – это были только звуки.

Я сидел на диване. Сумерки приходили тьмой, я не включал свет. Лампочка на магнитофоне становилась все ярче и в конце концов осталась единственным источником света.

Застыть, раствориться в окружающем, стать частью его, тоже окружающим, даже не дышать. Взгляд неподвижен. Нет окружающего, нет меня – просто что-то где-то. Как приятно быть никем, как приятно не быть. Не знать, что ты есть. Не быть нигде. Все равно. Мне было все равно, когда я сидел так и был пустотой.

Песня в магнитофоне кончилась, и на пару секунд стало тихо – я вдруг услышал это. Потом снова зазвучала музыка. Я слушал, я не двигался. Лампочка на магнитофоне в темноте – не оторвать глаз.

Я не думал, лишь слышал или видел или просто чувствовал. Света, выходящая из вагона метро. Света, смеющаяся, глядя на меня лучистыми глазами. Идущая рядом. Говорящая что-то. Смеющаяся... Как плавен образ. Как легки движения. Или их нет. Она передо мной. Или где-то рядом. Я слушал, смотрел. Ладно. Все плохо, все не так. Я виноват сам. Я сделал, как хотел. Я променял. Я не хотел менять, просто сделал, что хотел, никому не желая зла. Почему я не могу сделать, как хочу? Все в прошлом, назад не вернешь. Я не жалел.

Музыка снова заполнила меня. Прошло уже больше половины песни, я не заметил как, думая о своем. Ладно, надо двигаться. Я чуть повернул голову – окружающее стало во-круг, переставая быть во мне. Потом чуть пошевелил рукой, окончательно стряхивая с себя окружающее, становясь от-дельно. Так, у меня два варианта: либо пить кофе, либо ло-житься спать. Хм... Я посмотрел на часы. Вообще-то спать еще рано, но кофе совсем не хотелось. Ладно, к черту кофе и сегодняшний вечер заодно, посмотрю-ка я лучше сны.

Перед сном... перед снами я опять взял Дашину книжку. Но много не прочитал – глаза закрывались, я очень скоро отложил чтение и выключил свет.

В субботу ходили с Надей в кино, потом посидели в кафе. В общем-то так, чтобы побывать где-то еще кроме дома и работы. Потом поехали ко мне. Погода испортилась – метель на улице, холод. Войдя в подъезд, хотелось встряхнуться по-собачьи, чтобы сбросить с себя снег. Я попробовал, но почти ничего не вышло из этого. Мы смеялись. Потом грелись под одеялом. Быстро получается согреться под одеялом вдвоем, почти сразу. Надя уехала от меня в воскресенье вечером.

Ничего не понятно. Дни шли за днями, дни проносились за днями. Очень быстро. Не на чем задержать взгляд, нечего вспомнить. Все мелькало. Бессвязные фразы, дела. Ключья времени. Куча изорванных использованных будней лежала передо мной, встречи с Надей были отдельно. Мы виделись с ней время от времени. Я не говорю о встречах на работе

в коридоре – через день, через два мы проводили вместе вечера и ночи. А на работе так, просто перебрасывались парой фраз. Похоже, никто и не догадывался о нас. Хотя мы не скрывали, но как-то и не выставляли напоказ наши отношения – зачем?

Было смешно наблюдать за Сашей, как он смотрел на Надею. Это где-то там тешило мое тайное самолюбие. Впрочем, может и не очень тайное, но Саше я не хотел рассказывать про нас с Надей, иначе он перестал бы делать такую смешную охотничью стойку при виде ее. С другой стороны, было бы интересно увидеть его глаза, когда он все-таки узнал бы про нас. Но только не от меня, нет. Вот такое молчаливое подтрунивание над товарищем.

Света не звонила, и я не звонил ей. Всё. Всё кончилось. Я со вздохом вспоминал ее. Впрочем, довольно редко, и вздох тоже бывал не слишком глубокий.

А время шло. Конечно. Куда ему деться? Оно все спешит, убегает от кого-то. От кого? Может, от себя? Ну, тогда будет бежать вечно, если от собственной тени. В последние дни что-то оно бежит быстрее, видно, боится больше. Может, тень выросла? С чего бы это выросла тень времени?

Через две недели был такой же день, как и две недели назад. И такой же вечер, как сто или тысячу лет назад. Точнее нет, не такой же – телефонов не было тысячу лет назад.

Я взял трубку и набрал номер. На том конце ответили:
– Алло?

– Надя? – сказал я. – Привет.

– А, это ты.

– Решил позвонить, а то сегодня не удалось тебя на работе увидеть.

– Сегодня день был тяжелый, много работы, пришлось побегать.

– Угу. А у меня сегодня наоборот все спокойно. Галина Николаевна на больничном, так что работой никто не загружает.

– Понятно.

– Что делаешь?

– Так, ничего.

– Я тут по дому всякими делами занимался. Но теперь уже все сделал. Вот сижу скучаю.

– Угу.

– Ты завтра вечером свободна?

– А что?

– Давай сходим куда-нибудь. Или просто ко мне приезжай.

– Нет, завтра не могу. Тут дел всяких много.

– Тогда в выходные.

– В выходные тоже не получится. Я обещала к подруге съездить, давно у нее не была.

– Хм... – озадаченно произнес я. – Когда же я тебя увижу?

– Не знаю. На работе.

– Нет, на работе это другое дело, – я старался быть веселым. – На работе это совсем не то.

Она молчала.

– Погода хорошая, – с улыбкой произнес я. – Может, на выходные все-таки выберемся куда-нибудь? Ты к подруге когда едешь – в субботу или в воскресенье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.